
С НОВЫМ ГОДОМ,
ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 1 ЯНВАРЬ 1977

Встреча товарища Луиса Корвалана во Внуковском аэропорту.

Фото О. Иванова (ТАСС)

ЛУИС КОРВАЛ

Встреча товарищей Леонида Ильича Брежнева и Луиса Корвалана в Кремле. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

АН В МОСКВЕ

Москва 23 декабря сердечно встретила прибывшего в Советский Союз выдающегося деятеля чилийского и международного коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря Компартии Чили Луиса Корвалана.

В аэропорту верного сына чилийского народа по-братски приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, председатель ВЦСПС А. И. Шибаев. Среди встречающих были руководители общественных организаций, ответственные работники аппарата ЦК КПСС и МГК КПСС, представители трудящихся Москвы, студенты из Латинской Америки и других стран, обучающиеся в Советском Союзе. Во встрече приняли участие члены Политкомиссии ЦК Компартии Чили Г. Марин, О. Мильяс, А. Соррилья, В. Тейтельбойм, член ЦК социалистической партии Чили Х. Суарес, член ЦК рабоче-крестьянской партии МАПУ Чили Х. Эстевес.

23 декабря в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев встретился с Луисом Корваланом.

Л. И. Брежнев сердечно, по-братски приветствовал товарища Л. Корвалана — руководителя славной Чилийской компартии. Он поздравил Л. Корвалана с освобождением после более чем трехлетнего заключения. Мы рады, сказал Леонид Ильич, что тяжелые испытания не сломили Вас, что и в тюрьме Вы служили образцом стойкости коммуниста, своим мужеством вдохновляли чилийский народ на борьбу против тирании.

Принцип пролетарского интернационализма и братской солидарности народов, борющихся за свое освобождение, подчеркнул Л. И. Брежнев, для нашей партии священен. Поэтому и впредь мы будем оказывать вашей партии, другим антиимпериалистическим силам в Чили неизменную поддержку в интересах борьбы за восстановление на вашей родине свободы и демократии. Наша партия всегда будет на стороне борющегося чилийского народа.

Товарищ Л. Корвалан выразил сердечную благодарность Л. И. Брежневу, Центральному Комитету КПСС, всем коммунистам и трудящимся Советского Союза, всем демократическим кругам мира за широкую и действенную солидарность с коммунистами и с другими прогрессивными силами Чили, ведущими борьбу за свержение военно-фашистской хунты, демократическое развитие и социальный прогресс своей родины.

Товарищ Л. Корвалан сказал, что он особенно признателен Леониду Ильичу Брежневу за все то, что он лично сделал для его освобождения. Мы, подчеркнул Л. Корвалан, и дальше будем выполнять наш долг революционеров, сделаем все возможное, чтобы как можно быстрее Чили снова стала страной демократии.

Л. Корвалан горячо поздравил Л. И. Брежнева с семидесятилетием со дня рождения, пожелал ему здоровья, дальнейших успехов в деле строительства коммунистического общества в СССР, в борьбе за упрочение мира и безопасность народов.

Л. И. Брежнев выразил твердую уверенность в том, что дело свободы и прогресса, за которое самоотверженно борются коммунисты, демократические силы, патриоты Чили, неизбежно восторжествует.

Встреча прошла в братской, сердечной обстановке.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 1 (2582)

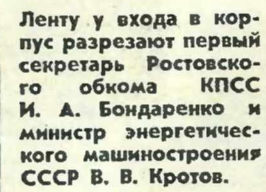
1 ЯНВАРЯ 1977

«Волгодонский завод «Атоммаш», создание которого предусмотрено Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, имеет огромное народнохозяйственное значение. Ввод его в эксплуатацию позволит значительно ускорить решение поставленной XXV съездом КПСС задачи по опережающему развитию атомной энергетики, улучшению топливно-энергетического баланса страны».

Из приветствия Л. И. Брежнева строителям, монтажникам, эксплуатационникам, всем участникам сооружения волгодонского завода «Атоммаш».

«АТОММА

Теперь в этом цехе строители — только гости. Хозяевами стали станочники.

Ленту у входа в корпус разрезают первый секретарь Ростовского обкома КПСС И. А. Бондаренко и министр энергетического машиностроения СССР В. В. Кротов.

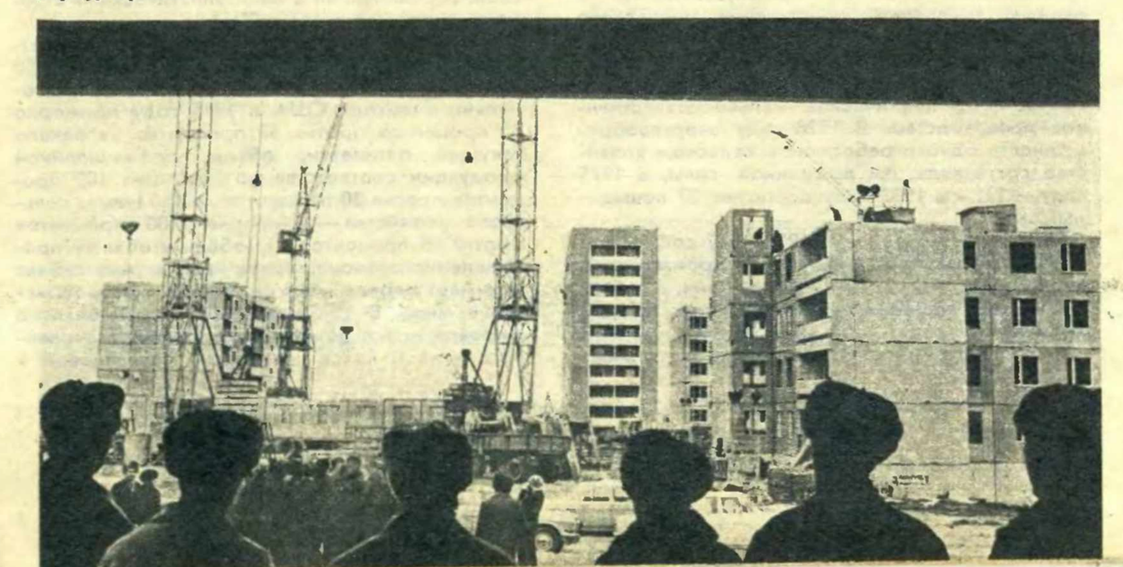

Митинг атоммашевцев.

Есть первая продукция! Токари А. Скорохватов и В. Васильев.

ш» ЗОВЕТ!

Город строится.

Б. СМИРНОВ,
фото М. САВИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Стройки, большие и малые, поначалу выглядят одинаково: земля, развороченная колесами и гусеницами, котлованы и траншеи, штабеля бетонных плит, дощатые тротуары между вагончиками, фанерные щиты с названиями трестов и управлений... Самое трудное время — первые месяцы, первый год, пока в кажущейся неразберихе не начнут вырисовываться контуры сооружений и весь этот взбудораженный участок земли перестанет быть ни на что не похожим и одновременно похожим на все. Лишь тогда в стройке появится своя геометрия, свое лицо...

«Атоммаш», как любая стройка, внешне тоже не был «Атоммашем» до тех пор, пока над степью не возникли очертания высокого длинного корпуса — словно легкая металлическая стена повисла над горизонтом.

Окончание см. на стр. 25.

ОТ ПЕРВО

На вопросы корреспондента «Огонька» отвечает заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. БАЙБАКОВ

— Николай Константинович, начался второй год десятой пятилетки. И год этот юбилейный — страна встречает шестидесятую годовщину Октября — и пятилетка юбилейная — десятая. Каждая из них, конечно же, имеет свои особенности. Но, видимо, есть известная преемственность принципов экономической стратегии партии. Не так ли?

— Конечно. Вот уже пятьдесят лет, как развитие советской экономики определяется пятилетними перспективными планами, в основе которых ленинские принципы хозяйствования, марксистско-ленинское учение о преимуществах социалистического общественного строя, социалистическая собственность на средства производства.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла широчайшие возможности для ведения народного хозяйства по единому плану. В. И. Ленин в свое время высоко оценил значение первого перспективного плана — плана ГОЭЛРО: «Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она не годна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники».

Пятьдесят лет назад XV съезд партии принял резолюцию о Директивах по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. В нашу повседневную жизнь, в богатый русский язык навсегда вошло новое, многозначащее слово — «пятилетка».

Не могу не вспомнить те полные революционной романтики годы. С каким волнением встречалась каждая победная весть с фронта индустриализации страны! Началось строительство Турксиба, Днепрогэса, появилась первая МТС, в начале тридцатых годов комсомольцы устремились на восток строить Магнитку.

Люди моего поколения помнят, как это было, как в ту пору дерзновенно мечтали и созидали, как устремились на штурм крепостей науки и знаний дети рабочих и крестьян — те, кто позже стал у колыбели социалистической индустрии. «Большевики должны овладеть техникой» — вот боевой лозунг тех лет. Еще до начала первой пятилетки по декрету Совнаркома была создана Горная академия. Первые ее студенты — политкомиссары, секретари укомов, губкомов партии и комсомола, еще недавно с оружием в руках отстаивавшие Советскую власть. Здесь учились А. Завенягин — будущий заместитель Председателя Совета Министров СССР, И. Тевосян — будущий министр черной металлургии, Василий Емельянов — будущий руководитель атомной промышленности... Разве всех назовешь? Разве забудешь, как, например, в Бакинский политехнический институт пришли рабфаковцы, многие из которых стали потом командирами нефтяной индустрии?

Не изгладятся из памяти радостные дни рождения «Второго Баку», сыгравшего видную роль в годы Великой Отечественной войны, первых советских автомобилей и тракторов, дни пуска тракторного завода на Волге, проходки первых шахт метро. Незабываемые события нашей кипучей молодости.

В ту пору буржуазная печать изощрялась в клеветнических измышлениях и диких пророчествах по поводу большевистских экспериментов: «Если рассматривать план как пробный камень для «планируемой экономики», то мы должны сказать, что он потерпел полный крах». Это писала английская газета «Дейли телеграф», писала в ту пору, когда еще не угасло эхо тяжелейшего мирового кризиса, потрясшего капиталистическую экономику.

Минуло пятьдесят лет с той поры, когда родилась первая наша пятилетка. Кризисы по-прежнему то в одном, то в другом районе земного шара наносят свои сокрушающие удары по экономике капиталистических государств. А плановая социалистическая экономика СССР, шагая широким, уверенным шагом, динамично развивается устойчивыми темпами, обеспечивая наше поступательное движение от общества развитого социализма к коммунизму. Девять прошедших пятилеток явились блестящим подтверждением открытых Марксом и развитых Лениным закономерностей общественного развития. И, утверждая на XXV съезде КПСС Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, партия руководствовалась этим неизменным компасом — марксистско-ленинским учением о планировании народного хозяйства. Разумеется, масштабы первой и десятой пятилеток не идут ни в какое сравнение.

— И все же было бы небезынтересно проследить гигантский взлет советской экономики по некоторым сопоставимым данным. Что вы скажете по этому поводу?

— Такие данные имеются. Вот некоторые из них.

В 1928 году все наши электростанции выработали 5 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, а в 1975 году мы шагнули за триллион: 1035 миллиардов; соответственно минеральных удобрений: сто тысяч и 90,2 миллиона тонн. Мы добываем нефти в настоящее время в 46 раз больше, чем в 1928 году.

Наряду с развитием тяжелой индустрии партия и правительство уделяли и уделяют большое внимание выпуску товаров народного потребления. В 1975 году примерно за восемь дней было выпущено этих товаров столько же, сколько получено за весь 1928 год.

Когда принимался первый пятилетний план, наше сельское хозяйство состояло из мелких крестьянских хозяйств, преимущественно с ручным трудом. Осуществление ленинского кооперативного плана, претворение в жизнь глубоко научной аграрной политики партии позволили создать крупное высокомеханизированное социалистическое сельскохозяйственное производство. В 1928 году энерговооруженность одного работника в сельском хозяйстве составляла 0,4 лошадиной силы, в 1975 году — 17, а в 1980 году достигнет 27 лошадиных сил.

Производство зерна в 1928 году составляло 69,3 миллиона тонн. В 1976 году производство зерна превысило 220 миллионов тонн, а рубеж последнего года десятой пятилетки — 235 миллионов тонн.

Думаю, что нынешняя молодежь мало знает о том, что когда-то существовало ОДН — общество «Долой неграмотность», что были «бойцы ликбеза». А сейчас наш народ заслуженно считается одним из самых образованных. В СССР более трех четвертей всех занятых трудом имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование, завершен в основном переход ко всеобщему среднему образованию молодежи. Сильно повысился уровень культуры рабочих и колхозников. Страна выходила на старт первой пятилетки, имея менее трех миллионов работников умственного труда, а в 1976 году их стало тридцать шесть миллионов.

Одно из величайших свершений пятилеток — изменение социальной структуры нашего общества, утверждение новых производственных отношений, открывших простор для такого развития производительных сил, какого не знала история. Выступая в 1974 году перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы, Л. И. Брежнев сказал: «Упорным, героическим трудом миллионов у нас создано развитое, зрелое социалистическое общество. И сейчас, конечно, нам приходится выделять значительные средства на ускоренное развитие экономического потенциала страны, обеспечение ее обороноспособности. Но наши ресурсы стали неизмеримо больше, и это дает возможность сделать то, к чему мы всегда стремились: поставить рост благосостояния советских людей в центр практической политики партии».

Плоды этой политики, плоды осуществляемой партией широкой программы социальных мероприятий, охвативших все стороны жизни советских людей, ощущает каждый из нас.

— Николай Константинович, вы привели разительные цифры и факты, не требующие комментария. И все же возникает вопрос: ведь за минувшие полвека и капиталистическая экономика не топталась на месте. Если взять темпы роста, то как обстоит дело в этой области?

— Вопрос закономерный, и я постараюсь ответить на него самым убедительным языком — языком статистики.

Важнейший показатель развития экономики и повышения народного благосостояния — национальный доход. Он увеличился в 1975 году по сравнению с 1928 годом в 59 раз. Заметим, что в конце десятой пятилетки национальный доход, равный уровню 1928 года, будет получен меньше чем за пять дней.

В начале первой пятилетки наша страна, по существу, не имела тяжелой промышленности, а по производству электроэнергии стояла на последнем месте в Европе. Теперь Советский Союз — крупнейшая индустриальная держава мира. Вся валовая продукция промышленности уже в 1975 году превзошла уровень 1928 года в 110 раз.

По добыче нефти мы в 1975 году превысили уровень наиболее крупной капиталистической страны, США, почти на 20 процентов, по выплавке стали — на 30 процентов, производству минеральных удобрений — на 31 процент, цемента — на 88 процентов. Претворение в жизнь плана десятой пятилетки явится новым крупным шагом по пути создания материально-технической базы коммунизма, позволит добиться дальнейших успехов в экономическом соревновании с капиталистическими странами, и прежде всего с США.

В результате выполнения десятого пятилетнего плана национальный доход СССР в 1980 году составит по сравнению с уровнем национального дохода США в 1975 году примерно 85 процентов против 67 процентов на начало текущей пятилетки; объем промышленной продукции соответственно составит 109 процентов против 80 процентов, и продукция сельского хозяйства — примерно 100 процентов против 85 процентов. По общему объему промышленного производства наша страна сейчас занимает первое место в Европе и второе место в мире. В 1975 году СССР лидировал на мировой арене по производству нефти, товарного угля и кокса, железной, марганцевой и

Й ДО ДЕСЯТОЙ

хромовой руды, чугуна, стали, минеральных удобрений, магистральных тепловозов и электровозов, шерстяных тканей, кожаной обуви, сахара-песка (из отечественного сырья), животного масла. Таков ответ статистики на ваш вопрос. Он не был бы исчерпывающим, если бы я не отметил, что в соревновании двух систем по злой воле империалистов двадцать лет мы вынуждены были отдать войне и послевоенному восстановлению народного хозяйства.

— Николай Константинович, в начале беседы мы уже упоминали о том, что у каждой из десяти пятилеток свои особенности. Нельзя ли напомнить об особенностях десятой пятилетки?

— Ее нельзя отрывать от предшественницы — девятой. Они взаимосвязаны. XXIV съезд КПСС выдвинул как главную задачу девятой пятилетки обеспечение значительного подъема материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда. При этом съезд определил, что это ориентация на длительную перспективу. «Рост благосостояния народа — высшая цель экономической политики партии» — вот как формулировал XXIV съезд КПСС главное направление ее деятельности на современном этапе. Партия, ее ЦК, Политбюро ЦК КПСС во главе с Леонидом Ильичом Брежневым неуклонно придерживались и придерживаются этого ленинского курса. Им пронизана каждая строка десятой пятилетки. Об этом еще и еще раз напомнил товарищ Л. И. Брежнев в речи на октябрьском (1976 года) Пленуме ЦК КПСС, указав на решающие, узловые проблемы десятой пятилетки. Намечены широкая социальная программа, которая практически охватывает все стороны жизни и деятельности советских людей; конкретные меры по повышению эффективности общественного производства на основе усиления интенсивных факторов, ускорения научно-технического прогресса, улучшения качества продукции и режима экономии; динамическое развитие всех отраслей народного хозяйства; улучшение народнохозяйственных, межотраслевых и территориальных пропорций; последовательное претворение в жизнь долгосрочной аграрной политики партии, направленной на обеспечение надежного снабжения населения продовольствием и промышленности — сельскохозяйственным сырьем.

Необходимо особо подчеркнуть, что десятая пятилетка является пятилеткой совершенно новых, поистине огромных масштабов и больших экономических возможностей. Так, национальный доход — источник ресурсов для народного потребления и дальнейшего расширения производства — в 1980 году будет почти в четыре раза больше, чем в 1960 году.

Из пятилетки в пятилетку все весомее становится каждый процент прироста. Так, например, один процент прироста национального дохода, использованного на потребление и накопление, в 1961—1965 годах составлял 1,4 миллиарда рублей, а в десятом пятилетии он составит 3,6 миллиарда рублей. В капитальное строительство вкладывается столько же средств, сколько было освоено за первые семь пятилеток. Лишь на нужды сельского хозяйства выделяется 170 миллиардов рублей. По объемам капитального строительства Советский Союз сегодня не имеет себе равных в мире.

Выполнение заданий десятой пятилетки потребует огромной энергии и организованности, научного, творческого подхода, смелости в решении возникающих проблем. И тут нельзя не сказать об определяющей черте десятой пятилетки: она должна стать пятилеткой резкого повышения эффективности всего общественного производства, решительного улучшения качества продукции, качества нашей работы.

— Нельзя ли несколько подробнее остановиться на этом вопросе?

— Прежде всего о научно-технической революции. Она резко повысила требования к качеству изделий, к их различным параметрам, к технологии производства машин, агрегатов и материалов, предназначенных для работы в условиях колоссальных нагрузок, сверхкритических режимов, необычайно высоких и низких температур, давления. В годы десятой пятилетки будет осуществлено около двухсот научно-технических программ. Их цель — создать и освоить производство комплексов оборудования, систем машин, прогрессивных технологических процессов, автоматизированных систем управления, экономичных материалов, обеспечить развитие научных исследований и разработок по принципиально новым направлениям науки и техники.

Другой объективный фактор — углубление общественного разделения труда, усложнение внутриотраслевых и межотраслевых производственных связей. Идет ли речь о мощных турбинах или обыденных мужских носках — в них вкладывают свой труд коллективы многих предприятий, отраслей, смежников. И на конечный результат в одинаковой мере влияют и те, кто работает в цехе, где рождается сама машина весом в десятки тонн, и те, кто поставляет им какую-то деталь весом в несколько граммов. Успех в делах зависит от качества работы во всей цепи звеньев. Я не случайно упомянул носки. «Огонек» в свое время убедительно показал, как на качестве носков, выпускаемых в Витебске, сказывается плохая работа товарищей из Рустави, поставляющих недоброкачественные нити в Брест, откуда сырье идет в Витебск. Вот почему так остро сегодня стоит вопрос о качестве работы во всех звеньях народного хозяйства, всех смежников.

Сегодня нельзя не учитывать и такое обстоятельство: экстенсивные факторы развития производства неизбежно будут оттесняться интенсивными.

Теперь нельзя рассчитывать на рост национального дохода преимущественно за счет роста капитальных вложений. В девятой пятилетке национальный доход вырос на 28 процентов при увеличении капитальных вложений на 42 процента. В десятой пятилетке примерно такой же рост национального дохода будет достигнут при том, что капитальные вложения возрастут лишь на 26 процентов.

Ежегодно вступает в строй 300—400 крупных промышленных предприятий. И руководители уже действующих заводов, фабрик, как правило, не могут рассчитывать на рост выпуска продукции за счет увеличения числа рабочих. Так объективно сложилась конъюнктура в сфере трудовых ресурсов: высокая занятость населения, известное сокращение его естественного прироста в результате последствий второй мировой войны, возрастание числа учащихся, повышение удельного веса занятых в непроизводственной сфере. Отсюда напрашивается вывод о необходимости всемерного усиления интенсивных методов хозяйства, серьезного повышения эффективности экономики. На XXV съезде КПСС особо отмечалась необходимость быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства для того, чтобы успешно решать экономические и социальные задачи десятой пятилетки.

И, наконец, еще одно, не последнее по значению, соображение. Десятая пятилетка ознаменуется значительным расширением внешнеэкономических связей СССР, особенно со странами — членами СЭВ.

Советский Союз за последние годы завоевал на международном рынке репутацию хорошего партнера, предлагающего изделия высокого качества. Учитывая возрастающий рост наших экспортных возможностей, мы должны добиться того, чтобы все изделия, поставляемые советской промышленностью за рубеж, стояли на уровне самых высоких мировых стандартов.

Минувший год, первый год десятой пятилетки, показал, что советские люди самоотверженно выполняют решения XXV съезда партии. Курс партии, намеченный XXV съездом КПСС, одобренный всем народом, обеспечивает непрерывное наращивание экономического потенциала страны, осуществление широкой социальной программы.

— В последние месяцы минувшего года наша печать опубликовала обязательства трудовых коллективов, которые вносят свои коррективы в намеченные планы. Они предлагают двигаться вперед быстрее, выдвигают встречные планы.
Не могли бы вы, Николай Константинович, их прокомментировать?

— На октябрьском (1976 года) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, касаясь встречных планов, отмечал: «В их разработке и осуществлении проявляется стремление трудовых коллективов внести конкретный вклад в досрочное выполнение заданий пятилетки, в решение коренных экономических проблем, выдвинутых XXV съездом». Трудовые коллективы, выявляя имеющиеся резервы, определяют пути наиболее эффективного использования материальных и трудовых ресурсов, оборудования. За счет этого и намечают получить больше продукции, чем планируют министерства.

Есть у нынешних встречных планов одна важная особенность — перемещение центра тяжести в сторону качественных показателей: эффективное использование материальных и трудовых ресурсов, оборудования, рабочего времени, рост производительности труда, увеличение изделий со Знаком качества, снижение их материалоемкости, себестоимости.

Горняки шахты «Распадская» в Кузбассе планируют превысить проектную мощность шахты на 400 тысяч тонн угля в год и досрочно освоить вступающие в строй объекты. Это позволит поднять за десятое пятилетие производительность труда почти на 75 процентов, а себестоимость топлива снизить на одну треть. Таких примеров активного поиска резервов, встречного планирования снизу, от рабочих мест, много. В Москве, например, встречные планы на 1977 год разработали свыше 200 предприятий. Они взялись дополнительно выпустить продукции на 80 миллионов рублей.

Обоснованные напряженные встречные планы трудовых коллективов — это достойная встреча второго года десятой пятилетки.

Провожая год минувший, наш народ, зарубежные коммунистические и рабочие партии отметили знаменательную дату — семидесятилетие Леонида Ильича Брежнева. Трудно переоценить его выдающуюся роль в успехах внутренней и внешней политики нашей партии, в разработке и осуществлении ее экономической стратегии. В его докладах на съездах партии, на Пленумах ЦК КПСС выдвинуты насущные проблемы, предложены пути дальнейшего совершенствования управления экономикой, всего хозяйственного механизма.

Когда выработана правильная политика, верная линия, успех дела зависит прежде всего от его организации. «Такая политика, такая линия у нас есть,— говорил товарищ Л. И. Брежнев.— Значит, решающим звеном становится организация, то есть дальнейшее совершенствование управления экономикой в самом широком смысле слова». А значит, и совершенствование новых требований к экономическому мышлению, которое должно быть более конкретным. Необходимо добиться концентрации сил и ресурсов на выполнение важнейших общегосударственных программ, более умело сочетать отраслевое и территориальное развитие, а главное — обеспечить сбалансированность нашей экономики.

Мы вступаем в новый год с уверенностью, что под руководством партии советский народ выполнит грандиозные задачи десятой пятилетки.

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ РОССИИ

Совет Министров РСФСР, рассмотрев предложения комиссии Президиума Совета Министров РСФСР по Государственным премиям РСФСР, присудил Государственные премии РСФСР 1976 года:

В области литературы — премии имени М. Горького — Воронину Сергею Алексеевичу, писателю,— за книгу «Родительский дом»; **Фирсову** Владимиру Ивановичу, поэту,— за сборник стихов «Музыка души»; **Фокиной** Ольге Александровне, поэтессе,— за книгу стихов «Маков день»; **Барабашу** Юрию Яковлевичу, литературоведу,— за книгу «Вопросы эстетики и поэтики».

В области музыкального искусства — премии имени М. Глинки — Касьянову Александру Александровичу, композитору,— за оперы «Степан Разин», «Фома Гордеев» и камерные произведения последних лет; **Штоколову** Борису Тимофеевичу, солисту Ленинградского государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова,— за исполнение ведущих партий в операх «Судьба человека», «Борис Годунов», «Иван Сусанин» и концертно-исполнительскую деятельность; **Келдышу** Георгию (Юрию) Всеволодовичу, музыковеду,— за музыковедческие работы «Русская музыка XVIII века», «Рахманинов и его время», общую редакцию и ряд ведущих глав в многотомном коллективном труде «История музыки народов СССР».

В области театрального искусства — премии имени К. Станиславского — Владимировой (Фрейндлих) Алисе Бруновне, актрисе,— за исполнение ролей Щеголевой, Ковалевой, Малыша в спектаклях Ленинградского театра имени Ленсовета «Человек со стороны», «Ковалева из провинции», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше»; **Монастырскому** Петру Львовичу, режиссеру, **Борисову** Владимиру Владимировичу, **Ершовой** Вере Александровне, **Кузьмину** Николаю Николаевичу, **Михееву** Николаю Александровичу, актерам,— за спектакль «Золотая карета» в Куйбышевском областном драматическом театре имени М. Горького; **Цициновскому** Яну Станиславовичу, режиссеру, **Бушнову** Михаилу Ильичу, **Ливанову** Аристарху Евгеньевичу, **Лымарь** Людмиле Дмитриевне, **Морозенко** Павлу Семеновичу, **Серовой** Евгении Ильиничне, актерам,— за спектакль «Тихий „Дон» в Ростовском областном драматическом театре имени М. Горького.

В области изобразительного искусства — премии имени И. Репина — Угарову Борису Сергеевичу, художнику,— за картины «За землю, за волю», «Июнь, 1941 год», «Земля»; **Якупову** Харису Абдрахмановичу, художнику,— за картины «Челнинские красавицы», «Передовые животноводы — пастухи Н. Зиганшин, Ш. и Г. Шакуровы»; **Кибальникову** Александру Павловичу, скульптору,— за памятник Сергею Есенину в г. Рязани; **Аммосову** Терентию Васильевичу, **Буторину** Николаю Дмитриевичу, **Емрыкаину** Василию, **Кривошеину** Геннадию Георгиевичу, **Пестереву** Семену Николаевичу, **Петрову** Степану Никифоровичу, **Сейгутегину** Ивану Ивановичу, **Тынатваль** Галине, **Эмкуль** Вере, художникам,— за создание высокохудожественных произведений народного искусства из кости (скульптура и гравировка).

В области киноискусства — премии имени братьев Васильевых — Гребневу Анатолию Борисовичу, автору сценария, **Трегубовичу** Виктору Ивановичу, режиссеру-постановщику, **Розовскому** Эдуарду Александровичу, оператору-постановщику, **Гурченко** Людмиле Марковне, актрисе,— за художественный фильм «Старые стены» производства ленинградской киностудии художественных фильмов «Ленфильм»; **Колосову** Сергею Николаевичу, режиссеру-постановщику, Богуславу **Лямбаху**, кинооператору, **Карташову** Михаилу Николаевичу, художнику-постановщику, **Касаткиной** Людмиле Ивановне, Тадеушу **Боровскому**, актерам,— за художественный фильм «Помни имя свое» производства киностудии «Мосфильм» и творческого объединения «Иллюзион» (Польша); **Семенову** Юлиану Семеновичу, автору сценария, **Лиозновой** Татьяне Михайловне, режиссеру-постановщику, **Катаеву** Петру Евгеньевичу, оператору-постановщику, **Дуленкову** Борису Дмитриевичу, художнику-постановщику, **Броневому** Леониду Сергеевичу, **Тихонову** Вячеславу Васильевичу, актерам,— за многосерийный художественный телевизионный фильм «Семнадцать мгновений весны» производства Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького.

В области архитектуры — государственные премии РСФСР — Бегунцу Рубену Аветисовичу, **Виноградовой** Маргарите Викторовне, архитекторам, **Червонецкому** Виталию Сергеевичу, инженеру-строителю, **Кузнецову** Андрею Николаевичу, художнику-монументалисту, **Гридиной** Галине Антоновне, **Корпан** Жоржу Васильевичу, бригадирам-строителям,— за проектирование и строительство краевого драматического театра имени М. Горького в г. Владивостоке.

Премию имени Н. К. Крупской — Сладкову Николаю Ивановичу, писателю,— за книгу «Подводная газета».

(ТАСС).

1 ЯНВАРЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ КУБЫ

Н. ИВАНОВА

КТО ЖИВЕТ

У него темная, почти черная кожа. В крутых завитках волос проглядывает ранняя седина, но это ничуть не огорчает Томаса. «Пора, ведь мне уже за тридцать!» Громоздкий и неуклюжий, он с трудом втискивается в машину, и происходит чудо: Томас сразу становится ловким и совсем не таким уж громоздким. Впечатление, что водитель и машина — единое целое; он всерьез убеждал меня, что привязан к автомобилю больше, чем к родному дому!

...Откинувшись на спинку сиденья и положив огромную руку на баранку, Томас включает радиоприемник и, поймав подходящую песенку, начинает насвистывать мелодию. Петь он не решается — в детстве после тяжелой болезни повредил голосовые связки. «Случись такое сейчас — меня бы вылечили! А тогда? Кому нужно было возиться с больным чернокожим мальчишкой из бедной крестьянской семьи!»

Когда победила революция, ему не было семнадцати. Он и брат Феликс решили сразу же: поедем в Гавану! И поехали. Феликс был постарше и стал милисиано, а Томас пошел работать на бензоколонку и тут нашел свою судьбу — машину. Когда он получил права шофера, не было человека счастливее Томаса Мартинеса.

Мы десять дней вместе путешествовали по Кубе, и все время он ревниво следил, как я отношусь к тому, что увидела. «Нравится у нас на Кубе?» — то и дело спрашивал он. Чаще всего в его рассказах слышалось слово «революция». Это была главная точка отсчета — с нее началась новая жизнь и для Кубы и для него самого.

— Я отвезу вас в гости к моему брату, он живет в Аламаре,— предложил Томас.

На туристических картах Кубы Аламар — пока еще только пляж к востоку от столицы. Между тем это будущий город с населением в 130 тысяч, город-спутник, где уже несколько десятков тысяч жителей.

Аламар появился на нашем пути внезапно. Прямо у шоссе встали белые пятиэтажные дома с разноцветными балконами. Их возвели не строители-профессионалы, а люди разных профессий, которые, объединившись в «микробригады», строили себе жилье. Здесь все новенькое, с иголочки — дома, школы, спортивные сооружения, магазины. Томас притормозил у двухэтажного торгового центра. На первом этаже просторный продовольственный универсам. На втором этаже — парикмахерская, химчистка, мастерская по ремонту одежды, комната отдыха с телевизором.

— А теперь едем к нашим...

Дом, в котором живет семья Феликса Мартинеса, ничем не отличается от тех, что стоят рядом. Подымаемся на третий этаж в квартиру 13. Дверь открывает жена Феликса, Дельфина, миловидная молодая женщина.

— Проходите, пожалуйста, отдыхайте с дороги, сейчас принесу кофе!

Она скрылась в глубине квартиры. Здесь нет ни коридора, ни прихожей — их заменяет холл, где стоит телевизор, сервант и недорогая, но удобная мягкая мебель. На низеньком столике фотография хохочущего мальчугана.

— Это сын моего брата, Павел. Теперь он уже школьник,— поясняет Томас и с гордостью прибавляет:— Учителя говорят, у него большие способности!

Тем временем в комнату вернулась хозяйка

Томас, Дельфина и Павел. Фото автора

В АЛАМАРЕ?

с подносом, уставленным крохотными чашечками крепчайшего кубинского кофе.

— Мама, иди посиди с нами!— позвала она худенькую седовласую старушку, которая робко выглядывала из дверей. И потекла неспешная беседа. О восьмилетнем Павле, который мечтает строить машины, о Феликсе, который сейчас работает в столовой, учит русский язык на курсах и хочет побывать в Москве. Сама Дельфина тоже учится в вечерней школе. Но больше всего ей хотелось рассказывать о своем доме.

— Знаете, я каждое утро просыпаюсь с мыслью: неужели эта чудесная квартира — моя? Помнишь, мама, каморку, где мы спали вповалку? А тут — вы только гляньте!

И она ведет нас из комнаты сына в спальню, потом в кухню и в ванную...

Томас сопровождал нас с довольным видом — вот как живет мой брат! Мы вернулись в гостиную, и старушка, усаживаясь в кресло, заботливо придвинутое дочерью, сказала:

— Я и мечтать не смела, что мои дети будут жить в таком доме. И что они смогут учиться — даже не думала! Кто мы были до революции? Бедняки, сама-то я в девять лет осиротела и выросла в приюте для детей чернокожих. Там научили меня молитвам и шитью, чтобы я стала работящей, послушной прислугой...

— Что старое вспоминать?— решительно вмешалась Дельфина.— Лучше рассказывать про новую жизнь. Когда Фидель призвал к борьбе с неграмотностью, мы с братьями отправились в горы, в Эскамбрай. Я учила крестьян читать и писать. За нами, учителями-добровольцами, охотились бандиты... Посмотрите, кто живет в нашем доме! Наверху — семья учителей, внизу — студенты. У нас в квартире тоже все сели за учебники. Трудно, но зато интересно!

Потом мы отправились встречать из школы Павла. Вокруг нового типового здания из бетона и стекла зеленели кустарники и тоненькие деревца. Прозвенел звонок, и тотчас нам навстречу устремилась ватага девочек в белых кофточках, синих юбках и ребят в светлых рубашках и темных брюках.

— Павел! — крикнула в толпу Дельфина. Мальчик в пионерском галстуке, размахивая портфелем, кинулся навстречу.

— Знакомься,— сказал племяннику Томас,— это товарищи из Советского Союза!

Ничуть не оробев, Павел протянул нам свою крепкую ладошку:

— Салюд, компаньерос!

Гавана — Москва.

ДЕД МОРОЗ ИЗ «Ю. С. НЬЮС»

В. НИКОЛАЕВ

ФЕЛЬЕТОН

Представьте себе такую картину.

Несколько живущих по соседству семей. Все они разные, большие и поменьше, каждая живет по-своему, но в то же время у них много общего. Работают, растят детей, хотят, чтобы завтра было лучше, чем сегодня. Ценят мирные, добрососедские отношения и не желают ссориться друг с другом.

И вдруг одна из них провозглашает себя семьей номер один среди всех прочих, берется ими руководить, учит их жить.

Соседи, естественно, удивляются и спрашивают:

— Это почему же вы себя объявили надо всеми главными?

На вопрос следует весьма категоричный, хотя, прямо скажем, не очень убедительный ответ:

— Потому что мы семья номер один!

Странная история, не правда ли? Но достоверная.

Весьма солидный и известный американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», решив, очевидно, преподнести своим читателям рождественский подарок, объявил американскую нацию самой главной в мире. Причем объявил не так вот просто, а с хитрой закавыкой. Журнал пишет: «Американцы готовы восстановить свою нацию как нацию № 1 во всем мире». Значит, была она уже когда-то первой среди всех прочих, и пришло время вернуться ей на положенное место. Чтобы никаких кривотолков по этому поводу не возникало, «Ю. С. ньюс» утверждает, что это устремление совпадает с желанием всех американцев. Правда, при этом не говорится, кто уполномочил журнал выступать от имени всех американцев.

Впрочем, известные полномочия у автора цитируемой статьи есть. Мы имеем дело не с рядовым материалом, а с традиционной передовой статьей еженедельника и с ее постоянным автором Говардом Флигером. В рождество, когда даже у журналистов-международников чуть притупляются их острые перья, он не щадит покоя своих соотечественников и заявляет: «Американская нация находится в состоянии прострации, ее предали».

Что стряслось? Оказывается, во всем виноваты Советский Союз и разрядка. Флигер утверждает: «Американцы не желают бесстрастно наблюдать за тем, как США отстают от Советского Союза», «они разочарованы в улучшении советско-американских отношений» и «обмануты разрядкой». Не обходится Флигер и без предположения о возможном нападении нашей страны на европейских союзников США.

Сколько сразу ужасов свалено к подножию американской рождественской елки! Где спасение от них? У автора статьи есть готовый рецепт: «Сильные средства — вплоть до применения военной силы». За этим, считает Флигер, дело не станет. Он заявляет, что «подавляющее большинство американцев одобряет нынешний военный бюджет и одобрит еще бóльший», что в США «значительно возросла поддержка политики сохранения американских военных баз за рубежом».

Флигер сообщает, что многие свои положения он берет из материалов «Потомак ассосиэйшн», частной вашингтонской научной организации. Опираясь на состряпанные ею данные, он запугивает и поучает не только своих рядовых читателей. Поднимай выше! Видно, забыв, что ученого учить не всегда целесообразно, автор адресует свои наставления Джеймсу Картеру, инструктирует его, как вести дела в Белом доме. Кстати, статья так и называется — «Руководство для Картера» (!).

Выше мы уже упоминали, что автор ссылается на мнение американцев. Мягко говоря, безответственные ссылки!

Как известно, журнал «Ю. С. ньюс» выражает мнение деловой Америки. Так вот, в те самые дни, когда Флигер писал статью, эта Америка весьма определенно высказала свое мнение, которое противоположно всем заключениям Флигера. Она сделала это на состоявшемся в Москве четвертом заседании Американо-советского торгово-экономического совета. В состав американской делегации из 340 человек входили высокопоставленные представители 110 компаний. Почитайте, господин Флигер, как дружно высказывались они на заседании совета, в советской и американской прессе за развитие отношений между нашими двумя странами.

Разрешите также, господин Флигер, противопоставить вам мнение американских изданий, не менее солидных, чем журнал «Ю. С. ньюс». Например, корреспондент «Уолл-стрит джорнэл» Р. Китли пишет: «Наше время стало веком осторожности и разрядки». Слышите, разрядки! В журнале «Форин афферс» группа экспертов по международным вопросам констатирует, что скорейшее решение проблемы ограничения наступательных ядерных вооружений возможно, необходимо и отвечает жизненным интересам Соединенных Штатов. «Самой важной и настоятельной, — пишет «Крисчен сайенс монитор», — представляется цель сокращения арсеналов как ядерного, так и неядерного оружия». Многие американские обозреватели в отличие от вас считают, что именно так думает большинство ваших соотечественников.

Похоже, что в редакции «Ю. С. ньюс» кое-что перепутали. Имя главного хозяина новогодней елки связано с бодрящим душу морозом, вкусным зимним холодом, но никак не с «холодной войной». Нет, его не назовешь типичным, Деда Мороза из «Ю. С. ньюс». Он высокомерный и злой. Таких в природе не бывает. И быть не должно!

ВСТУПАЯ В ГОД ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

Т. СОКОЛЕНКО,
депутат
Верховного Совета РСФСР,
лауреат
Государственной премии СССР

Вот и ушел в прошлое еще один год нашей жизни, год созидательного труда, вдохновения, радости и оптимизма. Год, наполнивший всех советских людей еще большей уверенностью в будущем, в правильнсоти курса, которым ведет нас вперед партия. Год, еще более укрепивший содружество стран социализма и лишний раз показавший остальному миру, какие чудеса может творить истинно свободный труд в истинно свободной стране. Год, принесший нам много счастья и светлых надежд... Мы вступаем в новый, 1977 год, сознавая, что он особенный. Это год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, возвестившей народам нашей страны зарю новой жизни. И сколько бы мы ни отмечали разных праздников, больших и малых, нет для нас торжества более важного, чем годовщина революции.

Вступая в год 60-летия, мне хочется поразмышлять вот о чем. Конечно, временной отрезок, в течение которого существует Советская власть, чрезвычайно мал в сравнении со всей историей человечества. Но какие грандиозные высоты покорил советский человек за столь короткое время, как далеко продвинулся в созидании, науке, культуре, искусстве! На нашу долю выпали тяготы, преодоление которых по плечу лишь титанам. И мы доказывали неоднократно, что никакому врагу нас не сломить. На нашу долю выпали такие грандиозные свершения, какие, я уверена в этом, другому народу не под силу. Мы строили Днепрогэс, Магнитку, организовывали колхозы, налаживали производство собственных машин и тракторов. Враги же каркали, что у большевиков ничего не выйдет. Но советский народ раз за разом опрокидывал предсказания горе-пророков. Мы спасли мир от чумы фашизма, подняли целину, освоили космос, построили атомные электростанции, укротили сибирские реки, отыскали якутские алмазы и тюменскую нефть... Теперь мы строим БАМ, чтобы еще богаче стала моя родная Сибирь, Дальний Восток, наша прекрасная Родина. Мы шли и будем идти вперед, и жизнь наша будет озаряться новыми радостями...

Я сибирячка. И потому особенно радуюсь тем заботам и вниманию, которые уделяют наша партия и правительство ускоренному развитию моего необъятного края. Взять хотя бы Новосибирск, центр крупной промышленности и большой науки. Я живу в новом районе, которого несколько лет назад вообще не было. Красавцы дома подпирают небо, улицы широки — размах сибирский. Мой город обогнал по темпам роста знаменитого американца — Чикаго. Мой город продолжает расти, радовать и удивлять не только нас, сибиряков. Новосибирск ежегодно посещают сотни иностранцев — и туристов и деловых людей. Некоторые приезжали с предубеждением, с изрядной долей скепсиса, а уезжали обратно потрясенные нашими достижениями, покоренные Сибирью. Один аргентинец, уезжая, говорил:

— На родине меня пугали, что если я вступлю в партию коммунистов, то окажусь в конце концов в Сибири, о которой рассказывали всякие ужасы. Вот я и отправился посмотреть, что такое Сибирь. И она покорила меня. Вернувшись домой, я обязательно стану коммунистом. И еще скажу, что был бы очень рад, если бы меня «сослали» в Сибирь...

Стало быть, сама наша жизнь — лучший агитатор за правоту политики нашей партии, за правоту социализма. Поэтому все большее число стран во всем мире идет по пути социализма — единственно верному пути, который способен привести народы к счастью и процветанию. И я, конечно, счастлива, что живу в стране, открывшей этот путь и указавшей его миру. Я счастлива, что мой скромный труд «вливается в труд моей республики».

Я по профессии швея, работаю в объединении «Северянка», шью легкое женское платье. Суть моей профессии — делать женщин красивыми, дарить им радость, хорошее настроение. Поверьте, это большое дело. Некоторые считают, что в легкой промышленности и работа легкая. Говорят: подумаешь, дело какое — платье сшить. Но не так просто сшить хорошее платье. Очень правильно решило наше правительство, поставив новые, сложные задачи перед легкой промышленностью. Теперь у нас достаточно сил, чтобы, не снижая темпов роста тяжелой индустрии, резко поднять качественный и количественный уровень легкой промышленности. Но в первую голову — качественный!

Наше объединение связано с фирменным магазином «Северянка». Мы считаем, что время от времени каждая наша работница должна там побывать — для того, чтобы посмотреть своими глазами, как продаются сделанные ею изделия, что при этом говорят покупатели, какие делают замечания, что им нравится, а что нет. Я там тоже бываю. Для меня это как экзамены. До сих пор я ухожу оттуда с хорошим настроением, покупатели — тоже. Значит, публичную проверку качества наша продукция выдерживает.

На пороге года 60-летия я думаю о том, что труд каждого советского человека — рабочего или колхозника, инженера или ученого — делает нашу страну еще более могучей, что все мы должны трудиться лучше, чем вчера. В прошлой пятилетке моя подруга Людмила Кузнечик выступила с почином: выполнить пятилетнее задание за три года. Я поддержала ее, а потом выдвинула свой, встречный план: выполнить ко дню открытия XXV съезда партии два личных пятилетних задания. И слово свое сдержала, рапортовала Леониду Ильичу Брежневу о своем успехе. В десятой пятилетке я также решила выполнить два плана и очень рада, что мои подруги откликнулись на этот призыв.

Мы горды тем, что Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в недавно опубликованном приветствии передовикам производства легкой промышленности назвал наши имена. «Достигнутые вами результаты,— пишет товарищ Л. И. Брежнев,— и новые социалистические обязательства говорят о вашей высокой ответственности за осуществление задач, поставленных партией перед работниками отраслей, производящих товары народного потребления, по значительному увеличению выпуска товаров, соответствующих моде, вкусам и запросам потребителей, улучшению их качества».

Но есть у нас, к сожалению, еще и такие, кто не выполняет свои сменные нормы. И тут для старших товарищей, наставников молодежи, большое поле деятельности. «Ведь именно рост производства, увеличение выпуска продукции и улучшение ее качества является главным и решающим условием повышения благосостояния народа»,— говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев. Поэтому мы должны добиться, чтобы каждая работница «Северянки» не только выполняла нормы, но и стремилась их перевыполнить.

В день Нового года мне хочется поблагодарить наше правительство за огромную заботу о нас, женщинах. Недавно на сессии Верховного Совета РСФСР мы утверждали бюджет республики и решили образовать постоянную комиссию по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства.

И вот еще о чем я хотела сказать. Советский народ — мирный народ, познавший на своем опыте, какие страшные беды может принести война. Недавно вся наша страна торжественно отметила семидесятилетие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Говоря о заслугах товарища Л. И. Брежнева, наша партия и наш народ особо выделили его огромный, неоценимый вклад в дело укрепления мира. Поэтому я, как и любой советский человек, хочу от души сказать огромное спасибо Центральному Комитету нашей партии, правительству, лично товарищу Л. И. Брежневу за ту миролюбивую политику, которую они неуклонно проводят, за усилия по разрядке международной напряженности. Ведь нет ничего прекраснее, чем мирные поля, города, леса, чем звонкий детский смех. Нет ничего прекраснее мирного труда на мирной земле.

П. Белоусов. Род. 1912. КИРОВЦЫ. 1975.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

Ю. Подляский. Род. 1923. ОНИ НАЧИНАЛИ БРАТСКУЮ ГЭС. 1960.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

Н. Тимков. Род. 1912. ВОЛХОВ. 1973.

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Альберт КРАВЦОВ

СВАРЩИК

Люблю я запах жженого железа,
хоть говорят, что вреден этот дух.
Я свариваю линию обреза —
хорош мой шов на зрение и слух.

Выписывает ровные восьмерки
мой электрод, выравнивает стык.
Со шва счищает огненные корки
шершавый электрический язык.

И славно пахнет старой русской печью
и кузницей из дальних детских лет.
И снова полонен я доброй речью
и снова слышу дедовский совет:

«Огонь на то, чтоб выковать подкову,
а справный конь домчит в любой
конец...»
Внимая жадно дедовскому слову,
я чуял: в счастье верует кузнец.

Огонь-трудяга искрами дробится,
как будто скачет в сказке добрый конь...
Дед верил в счастье — мне его
добиться,
со мной из кузни дедовской огонь.

●

Я возвращусь в заснеженный январь
с душою ждущей, жаждущей волнений,
где солнце, как расплющенный янтарь,—
свидетель всех грядущих откровений.

Я возвращусь с желанием понять
все то, что здесь давным-давно понятно,
потороплюсь пройти за пядью пядь
мне данное и повернуть обратно.

И пусть в крови останется зарок
тому, что жизнь — единственное диво,
которое не спрятать под замок,
не обойти, сутулясь, молчаливо.

Все в ней принять, на все найти ответ,
раскрыть себя, чтоб мир вокруг увидеть,
познать его на вкус, на слух, на цвет,
чтоб в нем творя, любить и ненавидеть.

Торил ли путь в таежной ты глуши,
на трассе ли грядущей магистрали,
ты не искал покоя для души
там, где покоя люди не искали.

Инна БОГАЧИНСКАЯ

●

Облако рваное. Облако-парус.
Медленно тянется. Тает вдали.
Дождик забылся. В воздухе парит,
И абрикосы уже отцвели.

Выждешь все сроки, предзимьем
охвачен,
Вкусишь запретного яблока плод.
Пусть все не так. Завтра будет иначе,
Что-то изменится, что-то придет.

Веточка-жизнь. Синеглазый клубочек.
Скачет, мелькает средь сосен,
средь льдин.
То вдруг заплачет, то захохочет,
Не беспокоясь: а что впереди?

Словно летящий под звездами поезд
Радостных весен и горьких обид,
Вечный полет свой не остановит,
Только однажды свой путь повторит.

ВОПРОСЫ

Строгий и вопрошающий
маленький человечек шагал
рядом.
Кто ответит:
Ветер или вечер,
утро или ртуть?
Облака сделаны из хлопка,
как твое платьице.
А море не бьет в скалы.
Оно ластится.
Крутые горы молчат.
Им не страшно.
Чистые.
В белоснежных рубашках.
Первыми протягивают
солнцу руки.
А слышишь, какие струятся
звуки?
Небо течет ручьями.
А ручейки поют.
Слышишь?
Нет.
Деревья не ссорятся.
Они дышат.
Так много веток!
Густые и тонкие.
Как твои косички.
Значит, скоро лето.
А с ним
прилетят птицы.
Да.
Птицы, как люди,
разные.
Улыбчивые и хмурые.
Одни любят тепло и праздники.
Другие —
поют, когда буря.
Подожди.
Скоро дождик будет.
А о чем говорят капли?
В каждой капле —
солнца кусочек.
Ты не бойся.
Попробуй.
Хочешь?
Видишь,
длинные, тонкие
капли.
Ну...
как будто
ноги у цапли.
О, как много дождя
на небе!
Зачем падает дождь
на землю?
Из земли дождь
выходит хлебом.
Что же больше: земля или небо?..

Владимир БЕЛЯЕВ

●

Пора путины.
Море поднялось.
Валы в броне щербатой, черно-синей
Идут в атаку против берегов...
Причал пропал среди высоких взрывов,
Но, парус неба наколов на мачту,
Мы выбираем из сетей ставриду.
Скорее кожа смоется, чем соль,
С дубленых лиц,
С одежд отяжелевших.
И только сердце вдруг похолодеет,
Когда неловко румпель повернешь.

●

Качает нас,
Как на качелях,
Всю безуловную неделю.
Ворчит
Сквозь зубы
Дядя мой,
Что взял меня, мальца, с собой.
Но после семидневной качки
Взметнулись над стрелою мачты,
Как флаги,
Чайки.
Неизменно
Они сигнал так подавали,
Вдали заметив косяки
Ставриды,
Скумбрии,
Кефали;
И, тверже скал,
Как норд, резки,
В одном порыве двадцать рук
Колеблющуюся,
Как ртуть,
Сеть
Через борт
Перетянуть
Стремились...
А я,
Дыша соленой пылью,
Был счастлив.
Счастлив тем,
Что, сильный,
Большой,
Сердитый
И родной,
Похлопал по плечу рукой
Меня, как ровню,
Дядя мой...
И мы на берег
Возвратились!
Но волны
С нами
Не простились,
Качал причал,
Земля качалась...
И мать
Сквозь слезы
Улыбалась...

СОСНА И ГРАНИТ

Зеленая лишь с южной стороны,
Как руки, ветви к морю простирала,
Но мать-скала сосну не отпускала
На зов грызущей берега волны...
Ведь без корней не прочен и гранит,
Который их питает и хранит.

Николай РОДИЧЕВ

УЧИТЕ

1.

Орел, что на старинной дороге от столицы к югу, сам по себе уже российская глубинка. А если свернуть с нынешней бетонки от Орла в сторону дебренскую, за Нарышкинские холмы, дать волю ногам или колесам, попадешь в свою, местную глубинку, для которой и областной центр престолен.

Мураевка... Пятьдесят дворов за двести лет существования. Чья-то малая родина: дома вразброс, будто зерна, выпавшие из торопливой ладошки сеятеля. Как ни ставь избу, сама окажется на косогоре и окнами на другой косогор.

А внизу речка — тонкая, как пила, сама себе меж острарелых ракит тоннель проточила. Запуталась в зелени, как рыба в тине, онемела. Название — веселое, давнее: Лешенка. Да где же леса? И близко нет, вымерли. Название почти забылось, а речушка живет себе.

Земля в той стороне плоше, чем у соседей — курян или воронежцев. Пески, подзолы — от былых лесов. Поругивали мужики земли свои: раньше ругательски, позже приноровились по-научному: «нечерноземная полоса». Да и за что хвалить? Урожай сам шесть или чуть больше. За полста пудов на самых навозных клинах не снимали. Иные не выдерживали, прощались с крутыми холмами, шли туда, где пласт пожирнее.

С землей прощались, не с Мураевкой. Хозяин, бывало, уйдет на заработки, а женку с детьми оставит при наделе, на всякий случай. Авось, подобреет кормилица. Добрела в иной год, а затем опять, будто обидевшись на недогляд, замыкалась в щедротах, что твоя невеста, знающая себе цену. Не торопилась, хорошего суженого ждала.

Разные бывали в Мураевке председатели. Самый первый придумал название для мураевской артели. Да так пришлось ко двору это имечко, что много раз колхоз затем то укрупнялся, то вновь входил в исконные границы, менял структуру хозяйства и направление развития, пережил уже не одно поколение сеятелей, но название хранил, как бережет честный человек единожды данное ему от рождения имя: «Луч революции». Не пламя, не заря в окоем, не огонь в мировых масштабах. Всего лишь — луч! Он и сейчас обозначен тонкой золотистой линией на воротах главной усадьбы колхоза, протянувшись из дальней дали, от силуэта легендарного крейсера.

Для Алексея Николаевича Артюхова Мураевка никогда не была глубинкой. Разве что в глубине сердца носил он по долгим солдатским дорогам память о родном селе. Ушел Алексей из Мураевки выпускником средней школы в начале войны, вернулся израненным батарейцем.

Большеносый от худобы, в застиранной, с налокотниками гимнастерке, из которой выныривали руки, ходил Алексей по единственной улочке Мураевки, опираясь на палку. В школу ходил, учил ребят военному делу. Мальчишки не замечали клюки, восторженно глядели на грудь батарейца — там колыхалась в ряду с другими медаль с лихим названием «За отвагу».

Может, и не пошел бы Алексей искать судьбы в школу, но что-либо другое было не по силам. Да и Леля там... В деревне все знали: родилась Леля Позднякова в один год и в один с Алексеем день — тридцатого марта. В одном классе учились... Вернулся с фронта, заробел перед Лелей солдат. Учительница! И класс ведет и заочно институт кончает.

Не без влияния Лели через год Алексей тоже стал студентом-заочником. Школа все больше приманивала. Алексей понял: детвора — это не только горластые иждивенцы, разорители птичьих гнезд и родительских нервов. Нигде так быстро не пролетают дни и годы, как по звонку в школе. Оглядеться не успеешь, вчерашний восьмиклассник баском здоровается с тобой из кабины самосвала, ему вторит от руля трактора другой... И родители кланяются при встрече. Хорошо звучит слово душевное, народное: учитель!

Тринадцать лет отдал школе Алексей Николаевич. Вел историю в старших классах. Затем принял директорство. И, кажется, обвыкся в этой роли до того, что иных снов, кроме войны и школы, не снилось. А главное — земляки, сельчане привыкли узнавать его повсюду: в серой, с неширокими полями шляпе, в неброском, но отутюженном костюме, в белой сорочке с галстуком. Привыкли к его неизменно уважительному обращению на «вы».

Забегая наперед, упомяну об эпизоде, на первый взгляд курьезном. Когда мы в нынешней поре обходили широкую площадь в центре села, только что залитую асфальтом, на дорогу выкатился из-за палисада приземистый мужичонка в распахнутом пиджаке. Размазывая по небритому лицу слезы, он пожаловался Алексею Николаевичу:

— А чего она меня бьет?!

Не сразу придет на ум такое: жаловался великовозрастный бедокур на свою жену... Рассчитывал, вероятно, на мужскую солидарность. По школьной привычке жаловался!

Подумалось в тот момент: здесь лишь эпизод, мимолетный разговор на улице. Для меня — мимолетный. А сколько тугих узелков судьбы человеческой пришлось Артюхову терпеливо развязать за многолетье работы в должности вожака хлеборобов глубинного села!

Почему именно хлеборобов? Начинал-то свою карьеру Алексей Николаевич в окружении детворы, с должности учителя?! Об этом разговор ниже.

2.

Есть один человек, который до сих пор при встрече похлопывает Алексея Николаевича по плечу, тормошит, по-свойски обнимает, приговаривая:

— Ну, что я говорил? Кто был прав тогда: ты или я?

Поглядеть со стороны — родня, побратимы. А в тот памятный для обоих день, почти два десятилетия назад, когда секретарь Урицкого райкома партии Иван Алексеевич Кобзев и директор школы Алексей Николаевич сошлись в крутом споре о перемене профессии для одного из них, об оставлении директором любимой работы, да в такой момент, когда непростая работа эта заладилась,— расстались в тот день почти врагами.

Начало беседы было интересным, похожим на дружеский комплимент Артюхову.

— Побывал я сегодня в одном хозяйстве,— начал Кобзев с натянутой улыбочкой,— отдохнул душой, порадовался: и пшеничка там в рост человека, и помидоры в добрый кулак, и конопля в рост всадника. От калитки до «главной усадьбы» аллея георгинов, целое поле маков, сад такой, что если на гектары перевести, урожай будет хоть на Выставку достижений народного хозяйства! На прощание гостю — пакетик семян: мол, сейте и себе цветы, умножайте красоту на земле. Ну просто как государство в государстве! Вот бы, думаю, хоть один колхоз такой заиметь в районе!

Алексей Николаевич понял, что разговор идет о пришкольном участке руководимой им школы. Успехи юннатов этой школы стали привлекать, о них говорили на совещаниях, появились заметки в печати.

— Мы могли бы урожай назвать и в переводе на гектар,— без хвастовства заметил директор.— У нас свои бригады по сортам растений, агроном свой есть, девятиклассник Леня Мельников. А цветы — это особый разговор, Иван Алексеевич. Цветы должны в глазах детей стоять, когда они приходят в школу и когда расстаются с родным селом.

— Вот-вот,— ухватился за слово секретарь райкома,— именно «когда расстаются». А расстаются, дорогой Алексей Николаевич, чаще, чем нам думается. Скоро нам и цветов не хватит провожать их...

И Кобзев положил перед директором листок из сводки областного ЦСУ. К удивлению своему, Артюхов прочел: за последние пять лет из района уехали три тысячи человек... Три тысячи!

— И это при общей численности населения в восемнадцать тысяч! — воскликнул Кобзев.— А что будет через пять лет, через две пятилетки? Двадцать восемь населенных пунктов уже обезлюдело. Умолкли песни, хозяйство на руках шефов да стариков.

Артюхову показалось, что секретарь райкома смотрит на эту проблему чересчур местнически, узко.

— Мы настраиваем ребят, чтобы они понимали родину шире, чем родное село, район, область... Знаете, гордимся, если кто из наших выпускников проявит себя на великой стройке или отличится в армии.

— Слушайте, директор! — остановил Алексея Николаевича Кобзев.— Я хоть и старше вас, но не совсем старый. С кем я буду землю пахать через десять лет? Чьих детей вы будете учить в своей распрекрасной, обрамленной георгинами школе, если почти тысяча парней и девушек ежегодно оставляют район? Кстати, как у вас с этим дело?

— Тоже едут... Но, кажется, немного.

Секретарь подытожил свои впечатления о пришкольном участке:

— Так вот, походил я по вашему цветнику вокруг школы и подумал: «А не прибавить ли этому чудаку, Артюхову, землицы, коль с урожаем у него и вообще с ребятами получается куда лучше, чем у нынешнего председателя колхоза Низкородова? Возьмете, товарищ Артюхов, прибавки к школьному участку? Гоните ее хоть всю под цветы, если за школьным двором, рядом, пшеница не родит, гречи не спрашивай. Стыдно глядеть сейчас на поля: конопля чахнет без удобрений, а на фермах горы невывезенного навоза. Скошенный ячмень в валках прорастает, вот-вот снегом накроет... Картофель тоже еще в поле, шефов ждет... Сколько землицы возьмете под свою директорскую руку, товарищ Артюхов?

ЛЬ

— С гектар взял бы,— не чувствуя подвоха, согласился Алексей Николаевич.— А может, и два...

— А если все четыре тысячи двести, Алексей Николаевич? — Секретарь даже нагнулся через стол.

Артюхов знал, что четырьмя тысячами измеряется вся земельная площадь вокруг Муравевки и входящих в артельное хозяйство деревень. Речь шла о его, Артюхова, председательстве в «Луче», не больше и не меньше.

— Нет, Иван Алексеевич, увольте! — твердо заявил Артюхов секретарю райкома.— Простите, но не хлебороб я теперь... Отошел к другому делу — учитель!

И тогда прозвучали полузабытые с военной поры слова о возможной мобилизации. Секретарь райкома просил подумать. Он и сам не любил крайних мер.

Через два дня преподаватель истории, директор школы Артюхов дал согласие вернуться к исконным для сельского жителя заботам — заняться хлебом.

3.

Леля, то бишь Елена Андреевна, сначала опешила от новости, с которой вернулся из райцентра муж, затем заявила с досадой:

— Тебе работать, ты и решай.

Выросшая в семье потомственных учителей, дочь заслуженной учительницы, Елена Андреевна сама была уже опытным биологом. Втайне она гордилась тем, что помогла Алексею Николаевичу стать педагогом. А теперь мужа, сложившегося воспитателя детворы и признанного организатора учебного процесса, автора интересных статей на эту тему, ждет бог знает что, неизвестность. Председатели в колхозе менялись чуть не через год. Уходили обвешенные выговорами, под косые взгляды недовольных людей. И Артюхову надлежало быть в этой чехарде десятым или одиннадцатым по счету. С его-то характером: крутого слова не скажет, мухи не обидит, все по уговору да по совести.

Давно уже, с самого начала их совместной жизни, Алексей Николаевич и Елена Андреевна свою творческую службу и домашнее хозяйство правили вместе: готовились к педсовету, растили детей, Сашка́ и Колю, писали курсовые работы к сессиям и госэкзаменам. Порядок и красота вокруг школы были непростой заботой директора, а значит, и ее заботой.

Прошло немного времени, улеглись эмоции, и наступило время для размышлений. Супруги решили: не только противопоставлять прежнюю работу новой, но и отъединять колхоз от школы не следует. Колхоз станет лучше заботиться о школе, а школа еще больше приблизит ребят к земле, к хлеборобскому промыслу.

Больше двух недель, пока не прислали замены, председатель колхоза, раздав наряды на пахоту, затем вел уроки в своих классах. Елена Андреевна приняла руководство школой. Ее пришлось в самом деле «мобилизовывать» на директорство. Но это происходило уже по линии роно.

4.

Культурный человек, в какую бы обстановку его ни занесла судьба, не уронит себя, не потеряет лица. Если примут его опыт — поделится с другими, с кем живет рядом.

Новый председатель в «Луче» начал со строительства клуба, хотя скотные дворы требовали ремонта, заждались новых грузовиков и тракторов гаражи. Клуб этот, к удивлению приезжих, вытянулся ввысь, на два этажа, обрел формы городского Дома культуры: зрительный зал на триста мест, киноустановка с широким экраном, комнаты для занятий кружков самодеятельности, просторное фойе, раздевалка.

На втором этаже хватило места для колхозной конторы, ютившейся в убогом строении.

— Чудит Артюхов! — пополз слушок по району.— Порток у него недостанет на такое строительство.

В смету уложились, хотя пришлось и подзанять. Выручила конопля. В отличие от прежних лет ее убрали вовремя, не дали погибнуть урожаю. Собрали не только семена, но и тресту. Впервые тут же, после обработки конопли, расплатились с колхозниками деньгами.

Алексей Николаевич, став главой артели, не сменил своего костюма со шляпой и галстуком на расхожую фуфайку и председательскую «московку». К людям по-прежнему обращался вежливо, терпеливо выслушивал правого и неправого. Терпеливо и участливо.

Юные помощники из числа нынешних старшеклассников и недавно окончивших школу занимали места по вечерам у входа в Дом культуры с красными повязками на рукаве и комсомольскими значками. Приглядывались к одежде и походке гостей. Алексей Николаевич не уставал напоминать коллегам по правлению о том, что не только слово вожака имеет вес для других, но и внешний вид руководителя воспитывает подчиненных.

Из состава правления вскоре один за одним ушли пустословы, бражники, неряхи. Вместо прежних затяжных сидений в махорочном дыму, до третьих петухов, высказывались кратко, распределяли кому что, шли к семьям, на отдых, чтобы завтра пораньше оказаться у рабочих мест.

С людьми учитель поладил относительно скоро. Кучнее стали выходить утром на бригадные наряды. Прямее взгляды, доверительнее разговоры... А вот земля — ее не согреешь душевным словом, не устрашишь заклинаниями. С землей полагалось тоже на «Вы».

Огонек на верхнем этаже Дома культуры нередко светился и после того, как отзвучит музыка в танцевальном кружке. Чаще всего Алексей Николаевич засиживался с агрономом, благо что был он «свой парень». Леонид Афанасьевич Мельников, окончивший техникум и пришедший на помощь бывшему наставнику по школе. В непрестанных раздумьях о земле, пробуя один вариант за другим, учитель и ученик дошли до вывода, что нет смысла распылять и без того скудные запасы удобрений по всей площади посевов в равной доле. Решили наваливаться скопом на какой-нибудь один клин, обогащать всеми видами удобрений. На других полях пока обходились сменой культур. Зато ухоженные гектары становились «золотыми». В «Луче» трудно нащупывали пути к созданию своей зоны, гарантированных высоких урожаев, пока вся земля колхоза не стала гарантией высоких сборов зерна.

Потребовались годы. С десяти центнеров, о которых лишь мечтали, средний сбор зерна на круг в «Луче» перевалил за двадцать два. Если в какой год соберут меньше, считают себя в обиде за недород.

Чудачества Артюхова продолжались. На одном из собраний решено было выпрямить улицу Муравевки, снести с лицевой стороны повысунувшиеся кое-где погреба, хозяйственные постройки. Расходы на эти преобразования брал на себя колхоз. Строительная бригада снесла косые, замшелые заборы у домов, спланировала крашеные оградки вдоль всей улицы. Проезжую часть разровняли и засыпали щебнем под асфальт. Такие перемены на улице заставили каждого из домовладельцев обозреть собственное подворье на предмет соответствия...

— Во дает Артюхов!— изумлялись проезжие шоферы.— На всю Муравевку навел марафет! Куда там твоей школе: у конторы и поссовета цветов теперь небось побольше!

Приятно стало не только промчаться вдоль улицы по асфальту. Родственники многих муравевцев живут в Москве, в Ленинграде, в Донбассе. Прежде заявлялись на день-два, поздороваться и снова на поезд, пока сухо. Сейчас задерживаются на весь отпуск, везут с собой детвору, народившуюся вдалеке, приобщают к неповторимой красоте глубинки. На прежних выгонах, за Лешенкой, разбит сквер, спортплощадка, отведено место для танцев. На пути родника встала плотина, можно посидеть с удочкой, не останешься без улова. Хоть это и накладно, держит Артюхов полтора десятка лошадей. Свои и городские дети охотно гоняют их в ночное... Подошла очередь заняться фермами и машинным парком. И здесь многое оказалось по силам небольшому колхозу с годовым доходом в полтора миллиона.

Окончание следует.

Валерий ИСАЕВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

МАЛЕНЬКИ

Исаев Валерий Николаевич родился в 1941 году в Ленинграде. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт, кандидат медицинских наук. Ранее печатал стихи в «Дне поэзии-74», «Огоньке». С рассказами выступает впервые.

ЧЕРЕШЕНКА

— Полагаю, в этом случае следует подумать о возможности неокантолитической разновидности пузырных поражений слизистой оболочки полости рта. Я склонен также считать это состояние у больной идентичным по своим основным проявлениям какой-нибудь форме, нам, может, и неизвестной, рецидивирующего рубцующегося процесса. Да только вот возраст... Сколько вам лет, больная?— спросил профессор. Оказалось, совсем немного для такой болезни, а хлопот нам всем хватило потом на целый год.

Вести ее дали мне. Но вела меня она — так ходит слепец за своим поводырем. Я уходил за ней все дальше и дальше в ту самую сторону, где все больше непонятного и все меньше надежд на выздоровление. Держалась она мужественно, не хандрила и помогала нам изо всех сил, как это умеют делать не многие из больных. Трудно было от такого ее отношения, ибо пользы от нас было мало, если не сказать большего. Все наши попытки облегчить ее страдания только на том и заканчивались, что мы снимали боль при еде и разговоре. Она пила, как птица,— понемножечку, запрокидывая сильно голову, с трудом проглатывая и эту малость необходимой воды... Мы перерыли гору специальной литературы — все искали какие-нибудь подобные ситуации, выискивали подходящие средства лечения. Но тщетно. Болезнь развивалась, прогрессируя и набирая скорость в своем развитии. Моя подопечная исхудала. Вид у нее был ужасный. Как-то невзначай я сказал, что у нее красивое лицо, что переносимые страдания вовсе не испортили его, и пошутил: женщины, мол, в любом состоянии прекрасны. Это было сказано почти без адреса — я мог бы обратиться с такими подбадривающими словами к любой другой из своих пациенток. Но что-то изменилось с того дня. Что-то произошло, чего нельзя было нарушать в ней, ломать.

Приближалась весна. Она будто спешила на помощь к больной: так быстро наступали теплые, добрые дни. Ей становилось все лучше и лучше всем на удивление и к огромной нашей общей радости. Через некоторое, совсем короткое время на ее лице можно было ясно увидеть уверенность, а в глазах — искорки просыпающегося кокетства. Мне становилось все труднее проводить необходимые осмотры из-за пробудившейся в ней стыдливости. Мы радовались таким переменам, и больше всех, конечно, я, окончательно убежденный теперь в правильности выбранного лечения.

Однажды ее соседки по палате, пожилые интеллигентные дамы, группой пожаловали ко мне в крохотную комнатку дежурного врача. Как я и догадывался, с того самого злополучного дня, когда я высказал свое мнение по поводу ее лица, она круто изменила отношение ко мне и предалась только ей одной понятным, еще, наверное, девичьим мечтам. А немногим позже она стала наводить обо мне справки через своих соседок по палате, которые мне все это и рассказали. Но самым неожиданным для меня была коллективная просьба не разбивать в ней ее детских надежд и потворствовать им в короткий больничный век.

...Весна заявилась в город полноправной хозяйкой. Бодрая, энергичная. Она заражала своим настроением. Все ожило, задвигалось. В городе появилась черешня. Больная почти поправилась, и даже не верилось, что совсем недавно она с трудом проглатывала свою каплю воды. Счастливый от наступившей весны и оттого, что дела шли хорошо, я направился в свою палату с огромным кульком черешни. Все понимающие дамы, угостившись понемножку, под разными предлогами быстро покинули палату. Мы остались одни. Я провел в этой самой палате почти половину своей сознательной жизни, но ни разу не волновался так сильно. Распахнув окно, мы устроились на подоконнике. Между нами лежал промокший с одного бока бумажный кулек. Черешня оказалась очень вкусной, крупной, ее можно было бы есть даже в несколько приемов, почти как сливы. Наше смущение скоро прошло, стало даже весело. Смешными казались люди с высоты пятого этажа, смешно отряхивали с себя остатки зимы воробьи на крыше — все веселило нас в эту весну долгожданного выздоровления. Выстреливаемые нами косточки перелетали через узенькую улицу, ударялись о железную крышу, с которой клубами валил весенний пар.

— А можно, я стану называть вас черешенкой?— неожиданно для себя спросил я.

— Да, да, конечно, вам все можно,— ответила она, и мы, смутившись, помолчали немного, а затем снова весело принялись за позабытую было черешню.

ТРОФИМЫЧ

Был в деревне сад. И был в саду том сторож — Трофимыч. Злой сторож, но для дела человек надежный. Ничто не пропадает под его строгим, охраняющим оком. Понимал он в этом свое настоящее предназначение и уж если решался кого облагодетельствовать дарами природы, то делал это только по сердечному порыву или, больше того, надобности. А такие вещи, как известно, происходят не часто: сердце надо и сердце, чтобы не разменивать по мелочам. Словом, Трофимыч был человеком деловым и прямо понимал свои задачи по охране колхозного добра. На том и проработал уже немалый и беспокойный срок. Беспокойства же шли в главном от односельчан, которые не разумели этой высокой его цели, а просто и однозначно понимали его работу. По их мнению, выходило, что если угостить кого яблочком, кого грушкой — колхоз не развалится. Угощение пошло бы лишь для того, чтобы унять блажь — не больше. Никто же не помышлял, скажем, нестись с крадеными яблоками в город, на базар, и делать из этого бог знает что. Нет. Просто хотелось прийти в сад, поговорить с Трофимычем — свой же мужик, березницкий — о том о сем. За разговором отведать каких-нибудь там фруктов, может, и прихватить с собой какую-то малость. Но чтоб это все так, между делом, и чтоб прощаться легко, без тяжести. Как у других вон... Так нет же! Трофимыч близко не подпускал, не то чтобы какой разговор, беседа. Куда там! Попробуй подойти к саду с любого бока — он тебе тут как тут, не он, так его кобель Джульбарс. Весь в хозяина: такой же неподступный и безо всякого согласия на какие бы то ни было переговоры. Не был сад огорожен, а всякому преграждала путь в него доблестная служба Трофимыча, которую нес он днем и ночью в любое время года. За эту самую преданность своему делу наградили Трофимыча страшными прозвищами, да и получал он не раз темными августовскими ночами по первое число. Но от этого только крепчал в своем мнении, что добро надо раздавать тем, кто в нем нуждается. А так просто — это ж баловство одно. И потому посторонись, поберегись. И шли люди от своего колхозного сада сердитые, особенно жарким днем, когда яблоки так были желаемы из-за нестерпимой жажды. Шли и кляли Трофимыча почем зря. В клуб, что разместился в бывшей церкви, Трофимыч не ходил, а только тут и можно было выяснить отношения в нетороплривых до полуночи мужских полуразговорах-полумолчаниях. Не любил Трофимыч долгих разговоров, до клуба ли ему, если он при исполнении? Сторож — ночная птица. Так и шло: он сам по себе, а просители сами по себе, и никакого взаимопонимания. «Жмот»— и все тут...

Да только никто на деревне не знал, что каждый день, чуть позже последней зорьки, Трофимыч набивал полы своего полупальто яблоками через прорванные карманы и, убедившись в «солидном» весе своего груза, трогался в путь. Дорога его лежала через Зверник к Сейму, а там — лугом и огородами к крайней хате соседней деревни Стропицы, где жила вдова его давнего друга-фронтовика Ваньки Веселого. С такой фамилией жить бы да жить. Так нет... Приходил он шумно, задвинутый на воротах засов отпирал громко, ругал собаку, которая после хозяина никого не хотела признавать, в том числе и его, чем немало удивляла Трофимыча. Под громкий лай пса подходил он к сенцам, открывал скрипучую дверь, натыкаясь на пустые ведра и кадки с огурцами, пробирался в угол, где стояла им же однажды принесенная плетенка, и долго, не торопясь выкладывал в нее содержимое своих бездонных карманов. Иногда в сенцы на шум выходил Серега, пятилетний мальчуган, и, увидев жмурившегося от света Трофимыча, через плечо объяснял матери: «Жмот» пришел...» Трофимыч не подходил, не трепал его по русой головке, не поднимал на руки... Он будто и не замечал ничего вокруг. Выкладывал свои яблоки и выкладывал. Они, похрустывая, заполняли собой плетуху, а запах их растекался по уютным сенцам, доходил до дальних комнат добротной избы. Разгрузившись, Трофимыч, не прощаясь, тем же путем возвращался к себе в сад. Но если когда и замечал Трофимыч звезды или там что-то особое в луне, так это на обратном своем пути. Он много понимал в красотах природы, по-своему мерил разные ее дива, да за недостатком времени — в саду много хлопот даже зимой — не дотягивался до них рукой. А вот сейчас он шел по росному, мокрому лугу рядом с мучающимся от бессонницы Сеймом, трогал руками хрустящие, как антоновка, крупные августовские звезды. Откусывал малость — пробовал, а потом бросал их к тому берегу Сейма, да не докидывал. Плюхались звезды в воду, как будто срывались с нее утки или билась крупная рыба... Казалось ему все простым и ясным, а главное — он чувствовал себя через край счастливым и подумывал, что бы такое принести детишкам завтра.

БЕРЕЖЕНЫЕ

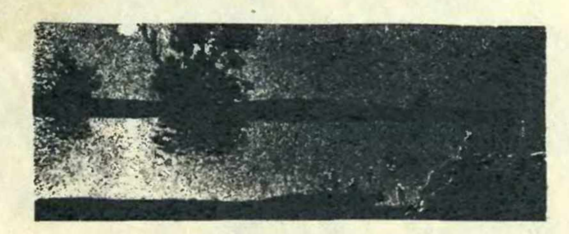
— Проша, хочу поднять за твое здоровье — ты у нас заслуживаешь, чтоб за тебя выпить... Молодец! Ну и, конечно, за нас за всех. Богом бе-

Е РАССКАЗЫ

реженых. Надо ж такое — война прошла, страсть какая, а нас вот не тронула. Так разве что... Ну да это и не в счет. Гляди, живы-здоровы. Все целы. Вот сидим, собрались у нашего ласкового Сейма и пьем себе на здоровьечко... А ведь это хорошо. Хорошо, мужики, когда ты живой, невредимый... Остальное все пустяки...

— Ну вот тоже. Начал за Прошку, а съехал гляди-ка куды, на пустяки... Давай за Прошу — он того стоит, а, Прохор? То-то, черт чернобро-

вый, цыганское твое отродье... Кабы не ты, забельшили б мы свои жисточки давным-давно, и не пришлось бы сейчас водочку тянуть да кушать сладко... Ну, давайте... Разом. За него вот, за окаянного. Проша, Проша...

— Эх, вечер до чего хорош-то! Черт дери, закрутишься так за работой и не видишь ничего, а оно есть на что поглядеть в наших-то краях. Поменьше б малость дел — все смотрел бы кругом...

— Мы когда-нибудь выпьем сегодня? Или так вот все и будем брехни разводить? Тоже мне трепачи. Давайте, давайте...

— Э-э-э-эх! — закрякали мужики и стали закусывать.

— Слышь, Проша?! А что, тряхнем стариной, искупаемся в Сейме — вон прямо ластится, да и вечер — одно загляденье. Когда сам-то купался? Уж забыл, поди. Давай сымай одежу — и в воду. Гляди, как манит. А не то свечереет — прохладней станет. Не схочешь тогда в воду лезть.

— Ты, Кастырин, баламут. Вечно чего придумаешь. На старости лет грех купаться.

— Да бросьте вы! До Ильина дня эвон еще скольки. Давай скидавай портки...

— Колька, помнишь, как через Дунай вразмашку?..

— Давай-давай, не разговаривай. Вылазь из штанов...

И мужики, разогретые радостью этой неожиданной встречи в доме Прохора, их старого фронтового друга, стали раздеваться и, освободившись от одежды, голые подались к речке. Глядеть на них — смех один: у них сильно загорелые, черные лица и шеи, а все остальное будто сметаной мазано! Идти всего ничего, шагов двадцать. Потому что расположились рядом с речкой, на лужке, у заброшенного шалашика, в котором когда-то ночевал в лугах Прохор.

Федор полез с обрыва по глине к воде и, войдя в нее по колени, заорал что было мочи от восторга, и каждая набегающая волна заставляла останавливаться его сердце — так было хорошо...

А остальные, постояв на краешке тяжелой кручи и понаблюдав за Федором, не сговариваясь, стали с разбегу или с места прыгать в речку, кто солдатиком, а Прохор — тот прямо головой вниз, как в далекой молодости, когда мог переплывать Сейм под водой, мог отпутывать невода в омутах, по пояс выскакивать из воды, скользя по ней, играя своим никогда не загоравшим телом.

Глядя на него, остальные тоже стали разбегаться и все норовили, как Прохор, — вниз головой. Да только получалось неважно — то животом, то боком ударялись они о воду, но снова выходили на берег, снова разбегались по остывавшей к ночи траве и, поскальзываясь, мчались к краю, а потом, как белые птицы, проносились в воздухе с криками и свистом, поднимая брызги, так что не понять было порой, где небо в звездах, а где река, как будто им вовсе не по пятьдесят с лишком, и не были они на войне, и не родились еще внуки. А только пришли с поля совсем еще молодые, сняли с себя просоленные одежды, и потянулось натруженное тело к доброму Сейму, на котором все выросли, от которого если куда и уходили, то все равно возвращались. Так тянуло назад, до невозможности. И вот резвятся сейчас совсем молодые, а не деды вовсе, не мужики, крепкие, дюжие. Подкрадываются друг к другу сзади, норовят погрузить чью-то голову в воду и держать так, пока тот не вырвется.

— Зальюсь же, черт! Фу ты, цыганское отродье, чуть было не залился!

А Прохор уже плыл к середине речки вразмашку, не оглядываясь, отфыркиваясь и не просто погружая руки в воду, а ладошками похлопывая по ней, будто играя...

Последним вышел из воды Федька, все срывался со скользкого обрыва и никак не мог взобраться на берег, пока товарищи не помогли ему.

— Ну, а теперь не грех и выпить перед сном!

— Эх, связался я с вами, весь бок себе ободрал...

— Ну, Проша, за твое здоровье, за нашу дружбу. Чтоб, дай бог, не в последний...

Потом мужики засыпают, и стоит над шалашом и над Сеймом храп.

А наутро выйдет один из них из шалаша, протрясет его утренний колотун. Спрячет он ладошки под мышки — и к речке, умываться... Да отпрянет от воды в испуге: на том самом месте, куда вчера кидались вниз головами, из воды торчат здоровенные рельсины и на их острых концах прядают первые лучики восходящего солнца.

НАХЛЕБНИК

Ребята жили в общежитии. Было их трое: Журятин и двое Косых. Но не братья, нет — однофамильцы. Жили они в одной комнате, учились в одном институте и собирались стать врачами. И родом почти из одних мест — из-под Курска. Родители их, колхозники, жили безбедно, но в большей степени это можно сказать о Косых. У Журятина достаток был иным. То ли отец попивал, то ли что еще, но приходилось ему частенько перебиваться с хлеба на квас. А у Косых — у тех ровно, всегда при денежках, при запасах. Да и в этом ли в конце концов дело! Важно, что жили они вместе и харч при случае «прорыва» делили на троих — курские ведь, земляки.

Так и жили себе студенты, знакомились ближе друг с другом. Кто сходился, кто расходился: курс первый, впереди пять лет. Надо знать, с кем в такой путь идти, а кого и пропустить вперед, если торопится.

Косым часто слали посылки. Из деревни посылка — это хорошо. Тут тебе и сальце свеженькое, розовое на срезе, соком, как лоза пораненная, сочится, тут и колбаска деревенская — такой горожанин не пробовал, как бы ни хорохорился. А кабана зарежут — тут и вообще сплошное лакомство, только поспевай жуй. Родители баловали сыновей, свою надежду, гордость свою. В такие дни Косые прилетали домой как на крыльях. Открывали посылку, выкладывали содержимое на стол и с шумом и веселыми шуточками принимались за еду.

А Журятин лежал на кровати, прикрываясь книжкой, не в состоянии бороться с запахами, и только делал вид, что зубрит. Куда тут устоять сытому, а ему-то с пустым желудком и подавно! Но держался, боялся унизиться. Начитавшись, научившись, отворачивался было к стенке — делал вид, будто и вовсе засыпает.

— Журятин, Шурка, ты бы поднялся. Садись с нами, повечеряй. Гляди, всего навалом. Небось хватит, не обедняем...

— Да спасибо. Самому должны были прислать на этих днях, да что-то, видать, случилось. Писали, что гости у нас. (Это Шурка врал: никаких гостей и никакого письма он не получал, а придумывал всякий раз что-нибудь, чтобы оправдать себя, свой дом и держаться на уровне с Косыми.)

— Да садись ты, не ломайся! Вон синий стал, все экономишь. Чего доброго, захвораешь еще.

Шурка в конце концов к столу подсаживался и вроде нехотя начинал есть вместе с ребятами, получая наслаждение и от пищи и от воспоминаний, которыми она отдавала, потому что пахла домом, праздниками. Это была не просто провизия — для Шурки она была частью его самого, замешенного и вылепленного из деревенского теста, прожившего всю жизнь в своей Вишенке, деревне у самой Белой горы, с монастырем и церквами на берегу Сейма. Потом Шурка засыпал сладко, согретый, с сытым желудком и сладкими, волнующими воспоминаниями недавнего еще детства...

Шло время, приближался конец первого курса. Поговаривали о втором. Кто с кем станет жить в комнатах, от кого лучше избавиться.

Косые сдружились. Но Шурка им пришелся не по вкусу. Он хороший, да только нахлебник. Нахлебник поневоле. И всякий раз видеть, как он страдает, как он отказывается от угощения, которого желает, ребятам было трудно. Да и каждому это как испытание. Шурка — человек гордый, он не станет вести себя иначе. Вот в чем вся сложность, в этом-то и задача...

А тут снова посылка Косым из дома.

— Знаешь, сделаем так. Получим посылку, подойдем к общежитию и посмотрим: если в наших окнах горит свет, значит, Шурка дома, значит...

— Значит, уничтожим содержимое где-нибудь в подъезде, и все тут тебе — не мучить же парня, а?

— Договорились!

Свет в окне горел. Шурка был дома. Они зашли в подъезд старого дома, уставленный помойными ящиками и ведрами. Вскрыли посылку и стали есть колбасу, сало. Выходившие и входившие в подъезд люди оборачивались на острые запахи деревенских «деликатесов», не сразу понимали, в чем, собственно, дело. Да и разве тут поймешь чего! Что осталось — выкинули в эти самые вонючие ящики и пошли домой к вечно голодному Шурке.

Когда они лениво открыли дверь комнаты, «Нахлебник» бросился к ним навстречу, радостный и необычайно счастливый.

— Старики, где же это вы пропадаете? Глядите, мне из дому посылка пришла! — И указал рукой на стол. Потом подошел, сдернул холщовую салфетку с угощений. В центре стола красовалась бутылка красного вина, а вокруг нее все было завалено кусками розового сала, головками чеснока, колбасами, и кровяной и обычной, с чесночком, в пакете виднелись крупные тыквенные семечки.— А я уж тут заждался вас, проголодался даже. Ну, чего вы? Давайте! Присаживайтесь!

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ – З

ЕМ КОНФЕТУ...

Ученикам 62-й московской спецшколы премию вручила на кондитерской фабрике «Красный Октябрь» директор этого прославленного предприятия Герой Социалистического Труда А. А. Гриненко.

Фото И. Тункеля

в 6-х и 7-х классах на конкурсную тему даже сочинение провели. «Писали его 149 человек,— сообщает в жюри учительница,— дети очень старались...» В большой конверт вложены и сочинения, авторы которых получили отличную оценку. Хочу не только поздравить учеников с пятерками, но и привести несколько строк из их сочинений. Одна из школьниц придумала сразу несколько названий. Среди них — «Радость». Почему? «Радость нам приносят хорошие отметки в школе, праздник, хорошее настроение у мамы. И конфеты могут принести радость...», «Я назвала торт «Солнышко», потому что он кругленький». Закончат ребята школу, кто-то из них, быть может, станет работать в пищевой промышленности. Вот тогда-то этот первый опыт и пригодится...

— Какие названия следует считать наиболее удачными!

— Те, которыми уже заинтересовались кондитерские предприятия. Здесь необходимо сделать небольшое отступление, дать короткую характеристику нашей отрасли. В 1975 году предприятия нашего министерства произвели почти 3 145 тысяч тонн кондитерских изделий.

Выработка кондитерских изделий ежегодно увеличивается. Существенно изменилась и структура продукции. Прежде больше выпускалось карамели, печенья и пряников, а ныне — конфет. Увеличивается производство расфасованной продукции, в том числе в коробках. В 1980 году в завертке и расфасовке намечено выпустить около 70 процентов всех кондитерских изделий. Значительно увеличится и выработка продукции в сувенирном оформлении. Ко всему этому, как вы понимаете, результаты конкурса имеют самое непосредственное отношение.

Каждый год появляется около 100 новых изделий. И если через какое-то время вы увидите на прилавках пряники «Знатные», заметьте себе: они так названы по предложению призеров конкурса. Конфеты «Озорница», «Облачко», мармелад «Сказочный» — это тоже их вклад. «Лебедушка», «Русь», «Очарование», «Синеглазка», «Для мамы»... Скоро появятся новые конфеты, так их и назовем! Мы уже успели познакомить с частью полученных писем таких известных кондитеров страны, как директор ордена Ленина кондитерской фабрики «Красный Октябрь» Герой Социалистического Труда А. А. Гриненко, как выдающийся мастер по приготовлению тортов Герой Социалистического Труда Е. А. Ожина. Они присматриваются к картотеке новых наименований, «примеряя» их к только что созданным сортам, которые вот-вот должны попасть к дегустаторам.

Конкурс скажется и на повышении уровня работы по названиям, которую ведут специалисты отрасли. Они почувствовали заинтересованность, проявленную к этому делу, увидели новые возможности, получили своего рода творческий импульс. Не исключено, что наш конкурс послужит примером для десятков микроконкурсов, которые пройдут непосредственно на предприятиях, а может, и среди потребителей в том или ином городе, где есть кондитерская фабрика.

Конечно, не все полученные предложения — даже среди отобранных и премированных — будут тотчас использованы. Они войдут в фонд «кондитерских имен», в создаваемую сейчас картотеку, станут своего рода резервом. Понятно также, что далеко не все авторы писем попали в призеры. Если авторы, оставшиеся непремированными, увидят «свое» название на том или ином изделии, пусть не удивляются: значит, аналогичное предложение пришло раньше, чем получено их письмо, и счетная машина это беспристрастно зарегистрировала.

В заключение я хочу поблагодарить не только призеров, но и всех участников конкурса.

МЕНЬШИХ

мер, как К. Маркс — сам страстный любитель животных — стремился привить и своим детям эту любовь.

Родители подростков, о которых я говорила, не поняли, что их дети уже утратили самые драгоценные человеческие черты: доброту, великодушие, мужество — именно мужество, потому что противопоставить себя расхулиганившимся товарищам, а тем более остановить их — для этого требуется настоящее мужество. Нравственная глухота, черствость и эгоизм как принцип существования определили раннее ожесточение этих полувзрослых душ.

Секция охраны животных — общественная организация, которая ставит своей задачей сделать пропаганду охраны животных составной частью нравственного воспитания подрастающего поколения. Наша работа принципиально отличается от других общественных организаций, объединяющих любителей животных,— скажем, различных клубов — отсутствием элементов эгоизма (охраняется не собственное животное, а любое), гуманистичностью направления и, главное, пониманием социальной значимости проблемы.

Чувство любви к природе естественно и неистребимо в человеке. Нельзя смеяться над людьми, которые возятся с декоративными птичками, собаками, кошками: в них говорит верный голос — зов природы. Его слышит почти каждый человек. Часто он не отдает себе отчета, почему ему так хорошо в лесу, на реке, в поле. Но стоит представить себе этот лес, этот луг без поющих птиц, без суетящихся насекомых, эту речку без рыб, как сразу станет жутковато. Человеку хорошо именно потому, что вокруг жизнь. И если кому-либо неведома эта радость общения с живой природой, его можно от души пожалеть.

Любовь к живой природе у членов Секции охраны животных отличается и тем, что она деятельная. Она заставляет тратить драгоценные минуты досуга после рабочего дня, душевные силы. Люди вступают в секцию не от избытка свободного времени: они работают, учатся, а иногда и работают и учатся, они воспитывают детей или внуков; у них, как у всех, семья, заботы, болезни. И для них работа в секции не забава, не хобби, а глубокая потребность, долг перед самим собой.

Председатель нашей секции — доктор медицинских наук К. А. Семенова, а членами секции, инспекторами работают люди самых различных профессий и возрастов, от школьников и студентов до профессоров и пенсионеров. В работе участвуют биологи, медики, ветеринарные врачи, преподаватели, рабочие, писатели, инженеры, журналисты.

Секция охраны животных защищает не только домашних животных или только считающихся полезными. Так, например, по нашей инициативе теперь взяты под охрану государства белки, которых несколько лет назад поселили в парках города.

В Секцию охраны животных обращаются люди, потому что их там поймут, постараются помочь. А если у инспекторов появляются дома животные, обычно это выручённые из беды твари: подобранные на улице, спасенные от жестокого конца голуби, вороны, выброшенные современным благополучным мещанином собаки и кошки. И если вы, читатель, сами захотите взять в дом собаку или кошку, берите их в секции, они ждут нового, доброго хозяина, они ждут вас.

Секция ведет пропаганду любви к живому начиная с детсадов: читают лекции воспитателям, проводят беседы и с детьми и с родителями. Ведется пропаганда в школах, в вузах.

Мы стремимся, чтобы наши дети глубже нас осознавали свою связь с природой, учились беречь ее более самоотверженно. Их первым движением души при виде прекрасного растения, зверя или птицы должно быть не стремление сорвать, поймать, убить, а восхищение, желание сохранить их для себя и для других.

То, что создает природа, создается годами и веками. «Наши братья меньшие», как очень хорошо сказал Сергей Есенин,— птицы, звери, рыбы — должны быть под нашей общей надежной охраной.

Т. ПАВЛОВА,
член Секции охраны животных Московского городского общества охраны природы

НЕСТАРЕЮЩЕЕ ЧУДО МХАТа

Н. ТОЛЧЕНОВА

Вот именно так — нестареющим чудом МХАТа — назвала бы я Анастасию Платоновну Зуеву, знаменитую актрису, которой хоть и исполнилось восемьдесят лет — от календаря никуда не денешься! — но которая, словно всем календарям назло, несет и сегодня на себе почти такую же творческую нагрузку, как в те далекие двадцатые годы, когда пришла она к К. С. Станиславскому вместе с другими талантами Второй студии, и впрямь сразу ставшими настоящим вторым поколением великого коллектива мастеров русской сцены, продолживших и дело старших и их славу.

— Впрочем, настоящий-то артист о славе, наверное, не так уж часто размышляет,— задумчиво говорит Анастасия Платоновна.— Задача актера — создание образа, то есть отображение самой жизни, действительности средствами искусства. Задача огромная. Особенно в наше время, когда искусство не есть достояние лишь «избранной» публики. А значит, жизнь актера — это труд, труд и еще раз труд. Причем такой труд, где участвует вся органика артиста, вся его психофизическая структура, весь накопленный им житейский опыт, все продуманное и перечувствованное.

Артист может сделать нужным, интересным своего героя — прочно ввести созданный образ в сценическую среду — только в том случае, если при этом он заботится не о себе самом, не об успехе своей собственной роли, а исходит из общего, широкого ощущения большого мира пьесы и спектакля. В этот большой мир артист и вступает, чувствуя и зная, как тесно и прочно все в нем взаимосвязано, соподчинено,— все вместе образует картину неподдельного человеческого бытия, согласно живет и дышит, способствуя возникновению великого целого. Только тогда ты, артист,— важнейшая часть в этом бытии целого, какой бы «проходной», «маленькой» ни казалась иная роль... Для меня разгадывание секрета таких именно «эпизодических» ролей бывает особенно занятно: как приглядишься, за ними такие откровения возникают, такие пласты жизни распахиваются, что только диву даешься! И все — новые. Все — разные. Ни одной «похожей» роли у меня не было за всю мою сценическую биографию!..

Мы беседуем с Анастасией Платоновной у нее дома. Изящная и моложавая — хотя нисколько не «молодящаяся», а такая, как есть,— подвижная, быстрая и в разговоре, и в походке, и в движениях, энергичная, с великолепным чувством юмора и очень точным, ясным пониманием своего собеседника, Зуева поражает полным несоответствием тому представлению о ней, обо всем ее облике, которое может сложиться, если знать ее только «зрительски» — по работам на сцене. Ведь и они совсем не так «просты», как могло бы это показаться на первый взгляд.

В самом деле, вспомним хотя бы Манефу из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты». Образ вроде бы сатирический; он вылеплен Зуевой вполне по Островскому — размашисто, сильно, мощно. Актриса не жалеет красок ярких, даже гротесковых, рисуя свою Манефу — темную, юродивую бабу, желанную гостью в богатых домах старой Москвы. Но у Зуевой эта баба очень даже не проста и, уж конечно, отнюдь не дура. Становясь пособницей Егора Дмитриевича Глумова в его карьеристских замыслах и интригах, Манефа проявляет и ум, и находчивость, и собственную инициативу — ничуть не меньшие, чем у самого Глумова,— только они идут в ином «ключе» и развиваются в иной будто бы сфере. А в то же время все выходки Манефы, все ее поведение — так же активно, как и глумовский дневник,— разоблачают, развенчивают невежество и нравственную пустоту хозяев старой Москвы: их оторванность от настоящего, живого дела, никчемность, ненужность.

Она ведь, если присмотреться к ней повнимательнее, никакая не юродивая, эта громоздкая, нарочито безобразная, уродующая себя, подчеркнуто неряшливая баба. Напротив, она умна, как бес!.. Зорким, умным светом горят ее маленькие, все замечающие глазки, ничто не укроется от быстрого и хитрого взгляда... Уверенно, даже властно, не считая, как должное, берет она от Глумова деньги «на подаяние бедным», деловито задирает подол широченной юбки и спокойно-уверенным, каким-то привычным жестом запихивает их поглубже в голенище огромного сапога. Сцена эта вызывает неизменный восторг зрительного зала, однако же Зуева отнюдь не старается рассмешить, позабавить публику. Ее героиня движима вполне практическими, деловыми соображениями: из сапога ассигнации не выронишь, да и не выкрадут, оборони господи!

С Глумовым Манефа держится запанибрата — чувствует в нем такого же, как и сама, пройдоху,— значит, нечего и церемониться. Ведет себя на равных, не стесняется. В доме же Турусиной Манефа дает целое представление. Тут уж она разворачивается, я бы сказала, как некий талант, как самородок — она действует вдохновенно: не кликушествует и не юродствует, а творит сообразно тому, чего от нее здесь ждут. А ждут жениха. И предложить надо Глумова: недаром же он давал свои ассигнации. И снова Манефа — Зуева держится в полном соответствии со своей жизненной целью: она выкликает свои предсказания, свои пророчества о женихе — уверенно, зычно, непререкаемо,— кажется, упиваясь сама своим «кликушеством», наслаждаясь и сама собой и тем впечатлением, какое производит ее «магия» на всех потрясенных обитателей дома Турусиной, включая самое хозяйку... Манефа не «колдует», но пророчествует: «Идет Егор с высоких гор!»... Ну прямо-таки поэтический дар открывается в этой побирушке, этой нищенке... Но ведь это так и есть! Зуева убеждает, что ее героиня не только одеждой, а умом, сметкой и наблюдательностью принадлежит народу... Что же делать, если приходится добывать пропитание хотя бы и таким вот способом, он тоже требует умения и сноровки!

Когда в антракте я пришла в грим-уборную Анастасии Платоновны, пробравшись через неведомые публике потайные ходы-переходы старого здания МХАТа, актриса, встретив меня, весело сбросила платок с головы; под платком в разные стороны торчали две нелепые косички,— одна завязана черной, другая — красной тряпочкой... Надо же было так причесаться, так все продумать!.. Ведь куда легче было бы надеть соответствующий замыслу парик. Так нет, косицы эти, заплетенные из собственных волос, давали Зуевой полное самочувствие, самоощущение Манефы...

Вот почему К. С. Станиславский говорил о Зуевой, что она — сама система. Ее органическое, неподдельное, внутреннее актерское соответствие духовному миру персонажа всегда вызывает чувство благодарного зрительского изумления: такая у нее во всем полнота и глубина, такая точность перевоплощения.

А Коробочка в «Мертвых душах»!

Утопая в огромном кресле возле такого же огромного самовара, грузная, рыхлая Коробочка неподвижна. Только цепкие, острые глаза, как буравчики, сверлят Чичикова. Коробочка Зуевой пытается маленьким и недалеким своим, но весьма практически-смекалистым в житейских-то делах умишком постигнуть скрытую от нее, но все же где-то прозреваемую ею корыстную истину поступков покупателя мертвых душ. И тут, движимая той же корыстью, алчностью, она вдруг преодолевает свою рыхлость, грузность, неподвижность; обретая импульс к действию, свершению, она выползает, выкарабкивается из этого кресла, в котором только малюсенькая головка ее, украшенная нелепыми рюшами, торчала, словно пробка в бутылке... А ведь кресло—весь эффект, рождаемый этим креслом,— Анастасия Платоновна тоже придумала сама. Давным-давно она заказала такое именно кресло, в котором ее Коробочка блаженно тонула бы до самой головы (кстати сказать, спектакль — и роль — играется с 1932 года). И когда беспомощно вдруг затрепыхается Коробочка, с трудом выкарабкается из этого кресла и заковыляет устремленно: надо ей спешно ехать в город, проверить, не продешевила ли,— нескладная, какая-то вся четырехугольная, поперек себя шире, словно куль, кое-как завязанный сверху,— зал снова гремит рукоплесканиями...

Совсем иная у Зуевой няня Анфиса в чеховских «Трех сестрах». Маленькая, хрупкая старушка, совершенно беспомощная по возрасту — восемьдесят лет,— но все еще старающаяся приносить пользу, необходимая всем сестрам, каждой по-своему, кроткая и ласковая, она определяет, ничуть не меньше, чем сами сестры, добрую человеческую атмосферу их дома, который потом сломает, безжалостно уничтожит Наташа, жена Андрея. Недаром же именно Анфису так ненавидит эта злая, жадная мещанка; недаром и няня больше всех боится Наташу. Анфиса Зуевой в «Трех сестрах» — милый и добрый, хоть и беспомощный гений всего этого сложнейшего существования людей, где все построено на подтексте, на скрытых внутренних связях и взаимозависимостях, и прежде всего на понимании — чеховском, гуманном — отношения к людям, к труду, к самой жизни. Няня, сыгранная Зуевой, учит этому отношению в той же самой мере, как и все главные фигуры Чехова, без которых, кажется, нет «Трех сестер». Нет их без няни — Анфисы...

Конечно, здесь тоже нельзя ставить знак равенства между актрисой и персонажем. И здесь они не одно и то же. Доброта самой Зуевой деятельна, энергична. Даже, я сказала бы, наступательна. Эта великая актриса неустанна в творчестве, в создании нового репертуара, в многообразии своих прошлых и нынешних контактов с городским и сельским зрителем, с подшефным заводом «Красный пролетарий»...

Свой талант, свое сердце, всю себя отдает она людям с такой молодой, удивительной щедростью, которая — повторяю это со всей убежденностью — и есть главное, нестареющее чудо МХАТа.

«На всякого мудреца довольно простоты».

«Мертвые души».

«Лес».

«Егор Булычов и другие».

«Последняя жертва».

«Три сестры».

«ЯШКА МАРКИЗ» ИЗ ЧИКАГО

Николай СИЗОВ

РАССКАЗ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Чикаго в программу нашей поездки по США не входил, в нем предполагалось лишь сделать короткую остановку. Поэтому в посольстве в Вашингтоне решено было не обременять хлопотами чикагскую мэрию, тем более что прилетели мы в город в воскресенье.

Мои спутники — журналист Виталий Прохоренко и инженер-строитель Андрей Ратников — в Америке находились не впервые, и каких-либо трудностей пребывания в незнакомом городе мы не предвидели.

— Посмотрим город, переночуем — и на аэродром. Вот и вся программа.

Мы расположились в одном из многочисленных залов аэропорта в широких ярко-оранжевых креслах и обсуждали, куда и как поехать, что в первую очередь посмотреть. Хоть и небольшой была группа, а интересы оказались разные. Один обязательно хотел увидеть знаменитые чикагские бойни, другой аквариум Шеда, третий предлагал пешком пройти всю чикагскую набережную, тянувшуюся по берегу Мичигана, а потом, если хватит сил и времени, осмотреть другие достопримечательности города.

За оживленным разговором мы не сразу заметили, что вокруг нас кружит пожилой, толстый человек.

Виталий Прохоренко первым обратил на него внимание и в раздумье сказал:

— Удивительно знакомая физиономия. Где-то я ее видел, но где — вспомнить не могу.

— Может, случайное сходство,— предположил Ратников.

— Не думаю. Но если сходство, то поразительное.

А неизвестный все кружил, вился возле наших кресел. Прохоренко наконец не выдержал и громко сказал:

— Вы не находите, что место для моциона выбрано вами не очень подходящее?

Человек, видимо, только и ждал, чтобы к нему обратились. Он торопливо направился к нам.

На вид ему было лет шестьдесят. Держался он нервозно, как-то суетливо, белесо-голубоватые глаза глядели напряженно. Торопливо поздоровавшись, он объяснил:

— Услышал родной говор и вот... Извините, пожалуйста. Яков Черновец. Тоже... из России...

— И давно? — с интересом вглядываясь в лицо Черновца, спросил Прохоренко.

— Давно, очень давно. Мальцом еще, с родителями,— скороговоркой ответил Черновец и стал угощать всех сигаретами. Прохоренко предложил ему «Беломор», и Черновец, прикурив папиросу от своей сигареты, с удовольствием затянулся. Потом спросил, обращаясь сразу ко всем:

— Ну, как там у вас?

Прохоренко усмехнулся и иронически ответил:

— У нас все в порядке. А как у вас?

— Тоже все о'кэй, все отлично.

— Ну вот и прекрасно. Обмен исчерпывающей информацией состоялся. Что дальше? Как видно, вы хотите задать нам кучу вопросов, но извините, мы намерены посмотреть город.

— Очень хорошо. Я покажу вам все в самом лучшем виде. И в отличный ресторан отвезу и в отель... Автосервис обеспечиваю.

Мы переглянулись. Суетливость старика, какой-то помятый, неопрятный вид не располагали к общению. Но обидеть его тоже не хотелось. Мы смотрели на Прохоренко. Ему, как самому бывалому, предстояло решить за всех, как быть.

Виталий пожал плечами, как бы говоря: а что мы, собственно, теряем? И решительно встал с кресла.

Черновец шел впереди. Его широкие, изрядно потрепанные брюки мелькали то среди модных женских «платформ», то здоровенных мужских кед и затасканных джинсов. С трудом перейдя широкую магистраль, по которой бесконечным стадом неслись автомобили, мы добрались наконец до стоянки, где такое же стадо машин отдыхало. Черновец остановил нас на краю площадки, а сам ринулся в глубь автомобильных джунглей. Вернулся только минут через сорок. Мы уже стали подумывать, что он сгинул совсем, когда хрипловатый автомобильный сигнал совсем рядом заставил нас вздрогнуть. Черновец улыбался своим частоколом белых искусственных зубов и призывно махал нам рукой. Лимузином его колымагу можно было назвать с большой натяжкой. Двадцатилетней давности «форд», старомодный и обшарпанный донельзя, даже по гладкой, отполированной магистрали гремел так, будто за ним тащился десяток прицепленных консервных банок.

— Ну и «антилопа» у вас,— скептически заметил Прохоренко.— Даже у Остапа Бендера и то было что-то более современное.

— Сообща содержим. Ну, а общее есть общее, не свое.

— Сообща? С кем же?

— С напарником,— неопределенно пояснил Черновец и нажал на акселератор. Нам показалось, что консервных банок на привязи прибавилось по меньшей мере вдвое.

Прохоренко, сидевший рядом с Черновцем, оглянулся на нас, как бы спрашивая санкции на решительный разговор, и затем обратился к старику:

— Вы все-таки скажите: кто вы и что вы? Надо познакомиться. Иначе нам как-то не с руки пользоваться вашей любезностью.

Черновец молчал. Затем вздохнул и тихо проговорил:

— Все о'кэй, товарищи. Я есть тот, кем и представился. Яков Семенович Черновец. Работаю здесь, в Чикаго, в муниципалитете.

— Мэром или одним из его советников?

Черновец покосился на Прохоренко и со вздохом ответил:

— Любят же в России пошутить. Ох, любят. Гарбичмен я. Гарбичмен.

— Гарбичмен? Это что за профессия?

Ратников спрашивал Прохоренко. Тот после секундной паузы ответил:

— Мусорщик. Так ведь, господин Черновец?

— Ну и что? Каждый труд почетен. Ведь у вас так считается?

— Так-то оно так. Только не очень-то вы преуспели за океаном, не очень,— беспощадно заметил Прохоренко.— Ну, а родители? Они как?

— Не знаю, поди, и в живых-то уже нет.

Мы переглянулись, удивленные, а Черновец, чтобы уйти от разговора, начал подчеркнуто оживленно рассказывать о городе.

— Обратите внимание, господа-товарищи, мы уже на подступах к центральным районам Чикаго. Вот проскочим это авеню и будем на проспекте, который тянется по берегу Мичигана. Это уже центральный квартал города.

Прохоренко спросил:

— А здание страховой компании цело?

— Не знаю, право. А что, оно чем-то знаменито? — спросил Черновец.

— Ну как же, один из первых небоскребов в Америке.

— Да? А я и не знал.

Настроение у нас между тем было сумрачным. Кто он, этот Черновец? Что за человек? И зачем мы связались с ним? Чикаго все-таки есть Чикаго. Здесь немало темных мест, закоулков, где случаются любые происшествия.

А Черновец все возил нас с одной улицы на другую, автомобиль ловко нырял в тоннели, выруливал на обзорные площадки набережной, пробирался то к одному, то к другому небоскребу. Остановившись около массивного серого здания, проговорил:

— Один из известнейших музеев. Говорят, интересно. Походите пока там, а я колымагу заправлю. Не возражаете?

Мы не возражали, и Черновец отправился на заправку.

Чикагский естественноисторический музей. Законная гордость не только города, но и страны. Здесь собраны уникальнейшие коллекции фауны и флоры, редчайшие исторические реликвии. С увлечением переходя из зала в зал, мы совершенно забыли о своем гиде. А когда вышли и увидели его, снова возник вопрос: «Что же все-таки это за тип?»

Прохоренко, отвечая на наш немой взгляд, проговорил:

— А черт его знает! Поглядим — увидим. Ничего дурного, я думаю, он не замышляет. Да и не дадимся мы в случае чего.

— А по-моему, просто ностальгия у него. Услышал родной язык, вот и прилепился,— предположил Ратников.

— Может, и так. Может,— согласился Прохоренко.— Но кого-то мне он, этот Черновец, напоминает. А вот кого — понять не могу.

— Программа остается без изменений? — уточнил Черновец.— Чикагские бойни?

Мы подтвердили свою заявку, и лимузин, громыхая своими расхлябанными частями, ринулся на юго-западную окраину города.

Громадные скотопригонные дворы чикагских боен, куда ежедневно десятки специальных железнодорожных составов подвозят гурты скота из Техаса, Миссури и других штатов, оказались зрелищем впечатляющим. Уставшие, ошалевшие от мычания, рева, блеяния животных, от грохота и шума разнообразных машин и агрегатов, мы с облегчением вышли под чикагское небо. Оставался последний пункт дневной программы — посещение аквариума Шеда. Там, наглядевшись на акул, скатов, осьминогов и других обитателей океана (их в аквариуме собрано что-то около десяти тысяч экземпляров), мы поехали на Мичиган-авеню и скоро уже сидели в небольшом ресторане, и Черновец старательно выбирал нам американские блюда.

— Стейк и только стейк,— заявил он.— Хороший, полновесный стейк, что может быть лучше? — Возражающих не было, и здоровенные, хорошо поджаренные куски мяса подтвердили восторженные рекомендации нашего гида. Потом разговор завертелся вокруг впечатлений дня — дорог, автомобилей, архитектуры чикагских небоскребов, помещения боен, аквариума...

— Вот жаль, что по Мичигану не покатались. Там ходят отличные прогулочные катера. А какой вид на город открывается! — сокрушался Черновец.

— Ничего, наверстаем в другой раз. Вы бы, Яков Семенович, все-таки рассказали о себе. Вот приедем в Москву, будем делиться впечатлениями. А о человеке, который возится с нами целый день, ничего не знаем.

— А может, сначала расскажете вы? — Черновец поднял голову.

— Что ж, постановка вопроса законная.— И Прохоренко быстро обрисовал каждого из нашей немногочисленной делегации. Потом проговорил:— Очередь ваша, Яков Семенович.

Черновец невесело усмехнулся:

— Вот русская натура. И своя душа нараспашку и чтобы чужая тоже. Да? Скажите, не так? — Потом добавил:— Здесь все иначе. Все по-другому. Да. Вот именно. По-другому.

Может быть, ужин так и закончился бы этим неспешным, малозначительным разговором, если бы не бутылка «Столичной», которую Прохоренко вытащил из своего объемистого портфеля, присоединив к ней еще и баклажку рижского бальзама.

— Неприкосновенный запас, берег для встречи с друзьями в Нью-Йорке. Ну да уж ладно, «раздавим» в честь встречи с соотечественником,— проговорил он, ставя бутылку на стол.

Черновец оживился, взял бутылку в руки, осторожно разглядывал ее, будто какую-то ценность.

— Что, давно не пробовали? — спросил Ратников.

— Давненько.

— Не по средствам?

— Нет, почему же? Просто предпочитал другие напитки.

— «Белую лошадь», «Джони Уокер» или еще что-либо?

— Когда что придется.

После двух рюмок Черновец вдруг стал ершистым, задиристым, неуемно разговорчивым, его потянуло на спор. И к месту и не к

месту он повторял как заклинание одну и ту же фразу:

— Надо видеть главное. А главное, что я свободен, понимаете, свободен.

Мы поняли, что эта мысль для него почему-то очень важна, и Прохоренко подхватил:

— Вы свободны? В чем же? Объясните.— И сам все пристальнее и пристальнее приглядывался к собеседнику, а вопросы ставил все прямее, категоричнее.

— Как в чем? Да во всем. Могу делать, что хочу, ехать куда хочу, заниматься, чем мне нравится. Любое дело, любое занятие — пожалуйста. Вот захочу и куплю этот отель, этот ресторан, и никто мне этого не запретит.

— А вот тот небоскреб вы бы не могли купить? — Прохоренко показал на сияющую огнями сорокаэтажную махину.

— А что, могу и небоскреб. Свобода предпринимательства — это, знаете ли, вещь...

— А почему же до сих пор не купили? Может, не нравится? — Так как Черновец молчал, Прохоренко напористо продолжал:— Кто же вы, Яков Черновец? Может, замаскированный миллионер? Владелец фирмы «Свифт энд К°» или одного из металлургических заводов в Гэри?

Черновец тяжело вздохнул и через силу проговорил:

— Мог бы делами ворочать, мог бы. Только вот не повезло. А мог бы, мог...— И столько было сожаления, отчаяния в этих словах, что мы переглянулись. А Прохоренко саркастически усмехнулся:

— Ничего, старина, не грустите. Вы еще свое возьмете. При такой свободе предпринимательства можете не только этот небоскреб, а весь Мичиган в карман положить при случае.

— Вы все шутите, а я всерьез говорю: эта сторона американской жизни — великое дело. И что ни говорите, а отсутствие свободного бизнеса — слабое место Советов. Да, да. Это я утверждаю категорически. Коммерческому таланту дороги у вас нет.

— Ну почему же нет? Сфера приложения любого таланта, в том числе и коммерческого, у нас неограниченна. Дерзай. Если, конечно, не только для собственного кармана, а и для всех. Для общего блага.

— Вот видите! Для всех. А какое мне дело до всех? Пусть каждый печет свой пирог, как умеет. Лозунг-то бросили: каждому по способностям, а на деле так не получается.

Прохоренко пожал плечами.

— Ну, вам надо элементарную политграмоту читать. Как-нибудь в другой раз я это сделаю.

— Нет, нет. Тут вы меня не разубедите. Потому как знаю я эту проблему досконально. Вот было у вас дело Крюкова. Здешние газеты очень много писали о нем. Зачем таких людей под корень? Ведь способные, талантливые бизнесмены. Очень это огорчительно.

Прохоренко уточнил:

— Не всех. Только основных заправил, заядлых уголовников Крюкова и Серого. Остальных не тронули.

— Ну что вы говорите такое? Я же читал.

— Не знаю, что вы читали, я же говорю вам истинные факты. Все участники «Золотой фирмы» живы и здоровы. Жив и здравствует, как мы видим, и гражданин Клячковский, или «Яшка Маркиз», как вас называла вся крюковская шарага. А теперь вы, значит, Черновец? Интересная метаморфоза. Не находите, дорогой «Маркиз»?

Слова Прохоренко не только для Черновца, но и для нас прозвучали, как выстрел. Черновец же сидел онемевший, растерянный, словно рыба, вытащенная на берег, ловил ртом воздух. А Прохоренко, с прищуром наблюдая за ним, продолжал:

— Вот вы, оказывается, где окопались, Яков Семенович. Очень, очень интересно. Как же вы здесь оказались? Может, расскажете? Будет очень интересно послушать.

И, обращаясь к нам, Прохоренко пояснил:

— Из всей многочисленной «артели» Крюкова, о которой печется и которую хорошо знает наш новый знакомый, следственные органы не смогли обнаружить двух или трех человек, в том числе Якова Семеновича Клячковского, или Яшку Маркиза, как звали его компаньоны. Искали по всем городам и весям, но тщетно, как в воду канул.

— И что, этот Клячковский, или, как ты его называешь, «Маркиз», был крупной рыбой в том омуте? — спросили мы почти одновременно у Прохоренко.

— Один из основных кредиторов фирмы. Ссужал ее дензнаками, скупал камушки и дорогие металлы. Очень нужен был Яков Семенович, очень, но, как видите, оказался в краях очень отдаленных, за океаном. Кто бы мог подумать!

Черновец наконец обрел дар речи и глухо, с трудом сдерживая голос, заговорил:

— Да вы что? С ума сошли? Я Черновец Яков Семенович. И никакой не Клячковский. Понятно вам? Проживаю в Соединенных Штатах. Вы, знаете ли, того, говорите, да не заговаривайтесь. А то я быстро сообщу куда следует. Мы люди здесь, знаете ли, свободные. Это вам не Москва. Надо же, что придумали!

Прохоренко с усмешкой посмотрел на Черновца и позвал официанта:

— Счет, пожалуйста.

За столом воцарилось тягостное молчание. Молчал Черновец, молчали и мы, не зная, о чем говорить. Потом Ратников, положив руку на колено Прохоренко, проговорил:

— Ты, Витя, извинись перед господином. Ошибки во всяком деле могут быть. А тут дело такое... — И, обращаясь к Черновцу, проговорил:— А вы не обращайте внимания. Выпили мы, ну, и сказал товарищ лишнее. Мы ничего плохого против вас не имеем. В общем...

Прохоренко не дал ему договорить:

— Ошибки здесь никакой нет. А вы, Клячковский, и упорствуете зря и испугались напрасно. Думаю, что вам неизвестно особое частное определение суда по вашему делу.

— Особое? Частное? О чем же? — Черновец весь подался вперед.

— Оно звучит примерно так: в случае явки граждан таких-то и таких-то (ваша персона в том списке) и сдачи ими государству ценностей, полученных в результате незаконных операций, суд учтет это при разбирательстве. Так что вам, Маркиз, есть над чем подумать.

Черновец, однако, вернулся к прежней игре.

— Ну, это меня не интересует. Вы скажите это тому, кого это касается.

— Да бросьте вы городить чепуху.

— А какие все-таки у вас основания именовать меня, как именуете, и причислять к крюковскому делу? Какой я дал повод для таких подозрений?

— Могу объяснить, Яков Семенович. Все очень просто. Еще на аэродроме, как только мы увиделись, все время ломал голову: где я вас встречал? Однако припомнить не мог. Когда же заговорили о деле Крюкова, в памяти всплыл ваш фотопортрет из того объемистого дела.

— Никакого отношения я к этому объемистому делу не имею. Но о людях тех скорблю. Невинно пострадали. Такие дела по нашим американским законам неподсудные.

— Подсудные, Яков Семенович, подсудные. И по американским законам тоже. Незаконные валютные операции. Контрабандная скупка золота, бриллиантов... Скорбеть не надо. Я ведь вам уже объяснил.

— Свежо предание, а верится с трудом. Так ведь сказал какой-то писатель, — прошептал Черновец.

— Даже русских классиков забыли. Быстро же вы стряхнули пыль отечества.

Черновец побледнел, хрустнул неопрятными, огрубевшими пальцами.

— Вы... не говорите так. Я может, и беглый и отщепенец, по вашим понятиям, но землю-то свою помню.

— Что-то незаметно, — непримиримо проронил Прохоренко и, обращаясь к нам, предложил: — Пойдемте спать. Надо встать пораньше и вовремя добраться в аэропорт.

— А мои услуги уж не нужны? — не поднимая головы от скатерти, хрипловато спросил Черновец.

— Обойдемся без помощи «маркизов» и разных там свободных предпринимателей. Сенькю, господин Черновец.

Окончание следует.

ПОЭТ И ВОИН

С. Н. Марин. С портрета неизвестного художника.

В минувшем году исполнилось 200 лет со дня рождения одного из интереснейших людей начала XIX века — Сергея Никифоровича Марина, воина и поэта.

Марин родился в 1776 году в Воронеже. Писать начал рано, но первые стихи его появились лишь в 1806 году, когда он был уже обстрелянным в сражениях воином. Однако сатирическая поэзия Марина пользовалась успехом задолго до этого, широко распространяясь в списках. Его эпиграммы, пародии, каламбуры ходили по рукам в столице, оказывая влияние на формирование оппозиционных настроений в период царствования Павла I.

Марин был офицером гвардейского Преображенского полка. Однажды на вахт-параде, проходя со знаменем мимо Павла, он сбился с ноги (возможно, с ироническим умыслом), был за это разжалован в рядовые и посажен на гауптвахту.

Едкие сатиры Марина накаляли страсти против самодержца и его порядков. Особенно большое влияние имела сатира на Павла «О ты, что в горести напрасно на службу ропщешь, офицер», представлявшая собой пародию на известную оду Ломоносова. Метко и удачно затронувшее злобу дня, стихотворение с быстротой молнии распространилось в Петербурге и, как считают историки, сыграло свою роль в приближении дворцового переворота. Этот памфлет пользовался популярностью, о которой можно судить хотя бы по такому факту: С. Т. Аксаков на экзамене в Казанском университете «по непостижимой рассеянности два раза сбивался с Ломоносова на Марина».

Сам поэт, уже восстановленный в офицерском звании и командуя отрядом телохранителей из привилегированного батальона, принял активное участие в осуществлении дворцового переворота 11 марта 1801 года. Этот батальон Преображенского полка Павел называл своей «лейб-кампанией», но его надежды на преданность лейб-гвардейцев не оправдались.

При Александре I Марин, продолжая свою гвардейскую службу, выполнял и дипломатические миссии. Он направлялся в Париж с письмом Александра I к Наполеону.

Из битвы при Аустерлице Марин вынес две пули в груди, а наградой за храбрость была ему золотая шпага и чин штабс-капитана. К 1812 году Марин — уже полковник, а в начале Отечественной войны он был назначен дежурным генералом при Багратионе. Через год он умер от старых ран. Ему было 37 лет.

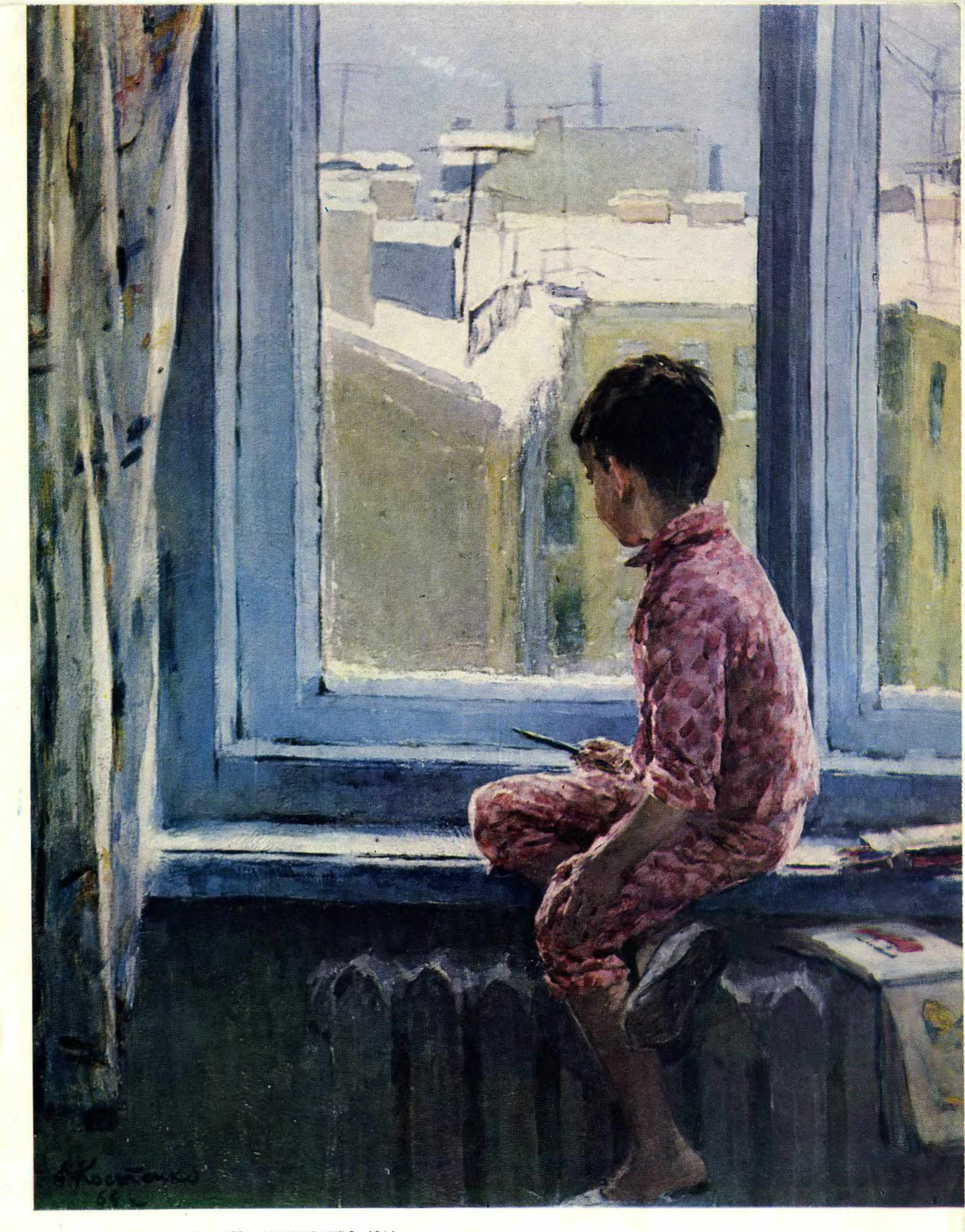
Имя Марина несколько раз встречается в русской художественной литературе. Упомянул о нем Лев Толстой в «Войне и мире», А. С. Пушкин сказал о Марине в стихотворном послании к дядюшке, Василию Львовичу. Одна из песен Марина появилась в несколько искаженном виде в «Братьях Карамазовых» Достоевского, а в романе Тынянова «Кюхля» Грибоедов наигрывает на рояле мотив песни на стихи Марина: «Барышня, сударышня, пожалуйте ручку».

Раннее творчество Дениса Давыдова слагалось под заметным влиянием легкой, бурлескной поэзии Сергея Марина.

Вот пример маринской оригинальной поэтической миниатюры:

Искусства ратного Суворов
госп — 1
В Италию вступил ногою лишь
е — 2,
Разбил французов вне
и замешал вну — 3.
В Париже будет он,
как дважды два — 4,
Безмозглые стремглав
улизывают вс — 5.
И убираются, как куры
на — 6.

В. ЛЬВОВ

Е. Костенко. Род. 1926. ЗИМНЕЕ УТРО. 1964.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

Я. Бесперстов. Род. 1929. НЕВЕСТА. 1969.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

Начало см. на стр. 2—3.

«АТОММАШ» ЗОВЕТ!

Сразу, даже внешне, стало понятно, что стройка здесь развернется грандиозная: рядом с первым корпусом растут каркасы цехов еще больших размеров, и степь под Волгодонском кажется теперь уже не безбрежным раздольем, а огромной стройплощадкой будущего гигантского завода. Впрочем, так оно и есть — «Атоммаш» должен стать флагманом энергетического машиностроения, первым предприятием, ставящим производство огромных реакторов на поток. Это значит — десятки электростанций получат здесь «атомное сердце», что сбережет стране огромное количество нефти, газа, угля...

Необычность стройки словно сконцентрировалась в первом возведенном здесь корпусе, что вырос буквально на пустом месте меньше чем за год. Апрель — закладка фундамента, декабрь — пуск; это ли не рекордные темпы? Оборудование — самое современное, включая станки с числовым программным управлением. Назначение — поистине универсальное, от производства инструментов до изготовления специальной оснастки реакторов. Цех-завод, цех-лаборатория, цех-мастерская, и все под одной крышей... По значению корпус обозначен на «Атоммаше» под номером три, а по исторической очередности именно ему выпала доля первенца уникальной стройки.

Мы приехали накануне торжественного пуска этого цеха-комплекса, чтобы вручить недавно учрежденный приз журнала «Огонек» лучшей на «Атоммаше» бригаде. Кубок назвали «Мирный атом», и присуждать его решили одновременно с другими огоньковскими призами: вымпелом, годовой подпиской на журнал с приложениями, денежной премией и правом на пятидневную поездку в Москву. По итогам социалистического соревнования лучшим своим бригадиром аттоммашевцы назвали Ивана Фоменко. Но объявлять это и вручать победителям призы предстояло завтра на митинге, а сегодня пусковой цех, казалось, был далек от готовности. Честно говоря, просто не верилось, что в этом грохоте, нагромождении механизмов, путанице тросов и балок может что-то за один день измениться, обрести законченность.

— Да вы плохо знаете «Атоммаш»! — успокаивал меня председатель постройкома треста «Волгодонскэнергострой» Борис Павлович Ковалев, когда мы пробирались по цеху.— Здесь темпы такие: день не побываешь на стройке — уже не узнаешь объекта. Кстати, тот самый Фоменко, которого мы сейчас ищем, вчера мне признался: мол, сам себе не верю, что три недели назад в этом цехе еще только-только кирпичные стены выкладывали. Глазам своим не верит! А я помню, что три недели назад, когда он обязательство брал, мы все немного сомневались, успеют ли...

— Что за обязательство?

— Досрочно, семнадцатого декабря, сдать цех. Иван Фоменко — бригадир отделочников, они вместе с бригадиром плотников-бетонщиков Владимиром Кукановым выдвинули такой лозунг: «Третьему корпусу — три ударных недели!» Потом еще один добавили: «Не выполнил сменного задания — не уходи с рабочего места!» По плану пуск должен был состояться двадцать второго декабря, а отделочники решили сдать цех ко дню рождения Леонида Ильича Брежнева. И в срок уложились.

Ивана Фоменко находим у автобуса, где он что-то рассказывает в микрофон корреспонденту ростовского радио. Знакомимся. Бригадир смотрит на нас почти с испугом:

— Опять интервью? Где же мне время-то взять?..

Мы решили разговаривать на ходу. Дело в том, что три десятка отделочников бригады Фоменко работали во всех концах корпуса размером с большой крытый стадион, и, чтобы обойти всех, предстояло совершить своеобразный производственный стипль-чез — бег по площади в тридцать тысяч квадратных метров с препятствиями в виде стройматериалов, ящиков с оборудованием, барьеров из труб и ям для станочных фундаментов. Время наше, правда, никто не засекал, но Фоменко явно наращивал темп — за секунды решал самые неотложные вопросы с раствором, переставлял по мере надобности людей, проверял готовую работу. Я же во время «перебежек» едва успевал задавать свои вопросы.

— Вы местный или приезжий?

— Местный. Родился в Мартыновском районе, оттуда и в армию служить пошел... Таня, ты начинай с левой колонны, тогда удобнее будет направо переходить!— Это он уже не мне, а штукатурщице, устроившейся где-то метрах в пятнадцати над нами.— После службы собрался дома поработать, а тут — землетрясение в Ташкенте. Ну, мы с женой сразу же решили туда ехать, там вместе учились строительному делу... Николай, как здесь закончишь, гоните вышку к западной стене, там много работы!

Ошеломление первых минут быстро проходит. Я уже чувствую четкий ритм, в котором здесь выполняется сразу с десяток разных видов работ. Снимают опалубку бетонщики, варят последние швы монтажники, включают первые в цехе фрезерные станки наладчики... Больше других меня, конечно, интересуют отделочники из бригады Фоменко — герои завтрашнего праздника. Старательно, даже любовно, не поддаваясь спешке, девчата выравнивают стены и ровным слоем краски покрывают металл. Сколько их, тысяч квадратных метров, сверкающих чистотой и свежей краской, осталось позади! А мастерки и кисти все так же размеренно и стремительно летают по шершавому бетону — раз за разом, метр за метром. Бригадир где-то рядом, его забота — организация дела, чтобы эти мастерки и кисти ни на секунду не прерывали свой бег.

В обеденный перерыв отделочники собрались в бытовке, расселись за столом с домашними припасами. Обедать решили здесь — до столовой далековато, много времени уйдет. Да и приятнее посидеть так, одной семьей... Хозяйничала за столом Валя Кострюкова, комсорг бригады. Так тихо, спокойно было в бытовке, словно и не существовало вокруг напряжения предпускового дня.

— А мы всегда так работаем,— объясняла потом Валя Кострюкова.— Работа спешки не любит. Быстро надо уметь подготовиться, правильно силы распределить, а уж работать без спешки. Знаете, маляры или штукатуры иногда для скорости халтурят: снаружи все выглядит красиво, а на самом деле — брак. Мы с девочками просто не представляем, как можно так относиться к делу.

— Но одного желания хорошо работать еще мало...

— Конечно, нам, новичкам, трудно было с ветеранами соревноваться, но Иван Павлович Фоменко нас, молодых, так расставлял, что всегда было у кого поучиться, всегда рядом была помощь. А желание работать тоже много значит. Я вот была воспитателем в детских садиках, а как приехала в Волгодонск — решила сменить профессию. Малярное дело мне почему-то сразу очень понравилось. Первое время, пока на курсах занималась, даже по городу в своем комбинезоне с гордостью ходила... И в бригаде мы, новички, так быстро стали чувствовать себя на стройке своими, нужными людьми, что этот переход — от неумения к опыту — произошел как-то незаметно...

На следующее утро я убедился в справедливости слов атоммашевцев: корпус нельзя было узнать. Исчезли краны и механизмы, цех очистился от мусора, и оказалось, что пол здесь особенный — из цветного бетона. Ровными шеренгами встали станки, и у каждого уже склонился человек в зеленой спецовке и какой-то особенной фуражке со словом «Атоммаш» над козырьком. С сегодняшнего дня уже они, токари и фрезеровщики, вступают во владение цехом, сменив строителей. Такова диалектика стройки...

Бригада Фоменко спешила, кажется, впервые за все время. Оставался изрядный кусок неокрашенной стены, а вокруг уже толпились гости, съезжались машины, собирались рабочие с других участков стройки. Плакаты, музыка, выпуски «молний», даже табличка «Стоянка легковых машин» там, где вчера сновали тяжелые самосвалы,— все говорило о празднике, о чем-то новом в жизни «Атоммаша». И к трибуне, которую Валя Кострюкова вчера красила в красный цвет, сейчас невозможно было уже пробиться.

Отделочники все же успели. Стена закрашена. Поставлена последняя точка! Но переодеться времени уже не хватало. Иван Павлович поднялся на трибуну в пальто, натянутом прямо на робу.

— Этот праздник, эту победу строители «Атоммаша» посвящают знаменательной дате — семидесятилетию со дня рождения Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева,— сказал, открывая митинг, первый секретарь Ростовского обкома КПСС И. А. Бондаренко.

Поздравить строителей приехали члены бюро обкома партии, бюро Волгодонского горкома партии и горисполкома, министр энергетического машиностроения СССР В. В. Кротов, заместитель министра энергетики и электрификации СССР Н. М. Иванцов. В ответ на приветствия атоммашевцы обещали поддерживать высокие темпы стройки, досрочно ввести в строй первую очередь завода — к 60-летию Великого Октября.

От имени редакции главный редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов вручил кубок «Мирный атом» Ивану Фоменко.

С кубком «Огонька» бригадир И. П. Фоменко.

Н. Адамян

Н. Алексеева

В. Ардаматский

А. Бальбуров

М. Баринов

Г. Березко

С. Данилов

Р. Ермольева

Ю. Жуков

В. Захарченко

А. Иванов

Р. Коваленко

Г. Морозов

М. Одинцов

В. Озеров

Дж. Олдридж

Р. Облонская

Ж. Орлова

О. Скуратов

М. Сулейман

М. Сынгаевский

М. Танк

М. Турсун-заде

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1976 ГОД

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1976 года:

Н. Адамян — «Мой друг Муса» (№№ 1, 2), рассказ; Н. Алексеева — «Северные узоры» (№ 28), «На крестьянском распеве» (№ 45), репортажи; В. Ардаматский — «Здравствуйте, Фаина Георгиевна!» (№ 35), очерк; А. Бальбуров — «Испытание на зрелость» (№ 33), очерк; М. Баринов — «Храни селенье, лес и дикий садик мой...» (№ 43), очерк; Г. Березко — «Вечер воспоминаний» (№№ 1—7), повесть; П. Бровка — «Добрый мир» (№ 18), стихи; С. Воронин — «Единственная ночь» (№ 22), рассказ; И. Гаврилов — цветная вкладка «Вода-ханум» (№ 22), «Пахари» (№ 35), фотоочерк; А. Гостев — цветная вкладка к материалу «Меня там ждут» (№ 11) и оперативные съемки; В. Громов — «В тургеневском лукоморье» (№ 46), статья; Б. Гусев — «Пассажир поезда № 12» (№№12, 13), документальный рассказ; С. Данилов — «Голоса зем-

П. Бровка

С. Воронин

И. Гаврилов

А. Гостев

В. Громов

Б. Гусев

Б. Кузьмин

С. Лемешев

В. Логинов

Ю. Лушин

М. Львов

М. Матусовский

М. Петрова

Ю. Пименов

И. Радунская

М. Савин

Ю. Селезнев

Н. Сизов

Л. Уварова

И. Ушаков

В. Фирсов

В. Харламов

О. Спасский

Л. Шаменкова

ли» (№ 12), стихи; Р. Ермольева — «Там, где трубят олени» (№ 5), рассказ; Ю. Жуков — «Чертовщина, или лжепророки на службе антикоммунизма» (№№ 12—15), статья; В. Захарченко — «Илья Глазунов» (№ 39), статья; А. Иванов — «Вечный зов» (№№ 18—33), главы из 2-й книги романа; Р. Коваленко — «Жили — не тужили» (№ 46), рассказ; Б. Кузьмин — фото к материалу «Валдайские родники» (№№ 39—41); С. Лемешев — «Два века славы» (№ 21), статья; В. Логинов — «К отцу» (№ 7), рассказ; Ю. Лушин — «Подкова на счастье» (№ 49), очерк, обложка и цветная вкладка; М. Львов — «...Горячая жизни крупица» (№ 35), стихи; М. Матусовский — «Мне вспомнились снова...» (№ 39), стихи; Г. Морозов — «Весенний простор» (№ 23), стихи; М. Одинцов — «Тогда, в 42-м...» (№№ 37—39), повесть; В. Озеров — «Александр Фадеев» (№ 52), статья; Джеймс Олдридж — «Джули отрешенный» (№№ 35—49), повесть; Р. Облонская — перевод повести «Джули отрешенный»; Ж. Орлова — «Перевертыши» (№ 21), статья; М. Петрова — иллюстрации к повести Джеймса Олдриджа «Джули отрешенный»; Ю. Пименов — «Кончаловский» (№ 20), статья; И. Радунская — «Чего не мог придумать Диккенс» (№ 44), очерк; М. Савин — «Сельские каникулы» (№ 35), фоторепортаж и цветная вкладка к материалу «Вологодские таланты» (№ 10), фотоочерки; Ю. Селезнев — «Я любил отчизну свою...» (№ 47), статья; Н. Сизов — «Коралловая брошь» (№№ 34, 35), рассказ; О. Скуратов — «След партизанских саней» (№ 27), очерк; М. Сулейман — «Вулкана грозный гул» (№ 31), стихи; М. Сынгаевский — «Портрет» (№ 37), поэма; М. Танк — «Певучее эхо» (№ 44), стихи; М. Турсун-заде — «Хранительница огня» (№ 9), стихи; Л. Уварова — «Возвращение» (№№ 51—52), рассказ; И. Ушаков — иллюстрации к собранию сочинений П. Бажова, вышедшему в приложении «Библиотека «Огонька»; В. Фирсов — «Родник» (№ 32), стихи; В. Харламов — «Хоккей — моя стихия» (№№ 42—45), записки; О. Спасский — литзапись «Хоккей — моя стихия»; Л. Шаменкова — «Сурские песенницы» (№ 1), очерк.

— Полкан тут живет?

Папуля елочку достал!

— Полчаса стучим, никто ему не открывает!

— Кто там?
— Я, дорогая!

— Ау! Где ты?..

Рисунки И. СЫЧЕВА

ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖЕН ТАЛАНТ!

Советский балет — лучший в мире, слава его растет с каждым годом. Но успех не приходит сам — нужно много трудиться. Откуда же появляются наши великолепные балеты, знаменитые исполнители? Их воспитывают замечательные советские хореографы, создают балетмейстеры. Но ведь и педагогов и балетмейстеров тоже надо вырастить. Этим и занимается балетмейстерское отделение и отделение педагогов-хореографов ГИТИСа, отметившее на днях свой 30-летний юбилей, неразрывно связанный с именами профессоров М. В. Васильевой (Рождественской) и Р. В. Захарова, народных артистов СССР Р. Стручковой, Л. Лавровского, Н. Тарасова и других известных знатоков хореографического искусства.

Выпускники — а их за 30 лет подготовлено 350 человек — работают и в нашей стране и за рубежом. Приезжают сюда стажироваться артисты и педагоги балета из многих стран мира. В 1976 году побывали стажеры из Швейцарии, Мексики, Того, Эфиопии, Филиппин...

— Мы готовим кадры практически для всех социалистических стран,— говорит декан педагогического отделения А. А. Борзов. — Однако число студентов на курсе зависит от таланта поступающих в институт. Один год набор — всего шесть человек, а другой — несколько десятков. Поступившие же в институт должны работать с утроенной энергией. Ни балетмейстером, ни педагогом-хореографом не может стать человек, имеющий только профессиональное образование: обязательно нужен талант! Но и без всесторонних знаний балетмейстер и педагог не обойдутся. Балетмейстер должен усвоить весь комплекс хореографического образования, только после этого он может уйти в сферу более высоких категорий искусства. А кроме того, балетмейстеру, как и педагогу, нужен еще и особый склад души — педагогический.

А вот что говорит Татьяна Китаева, студентка IV курса отделения педагогов-хореографов, только что закончившая практику в Киевском хореографическом училище:

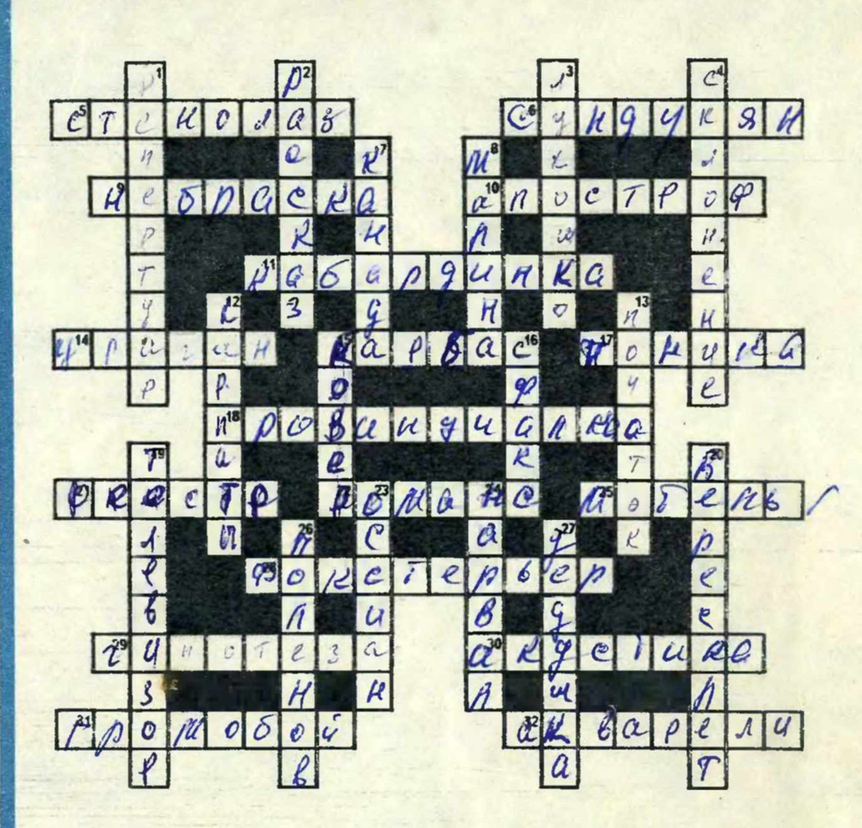
— Нас готовят и для хореографических училищ и как педагогов-репетиторов для театров. Но мне больше по душе работа с детьми. Меня привлекают проблемы общего эстетического воспитания будущей смены мастеров балета.

Мы разговариваем с Таней в коридоре, а мимо нас стайками пробегают девушки в легких юбочках; юноша в строгой черной одежде сосредоточенно повторяет какое-то движение; из зала доносятся то звуки задорного народного танца, то классическая мелодия; слышатся мерные голоса педагогов: раз, два, три — поворот, раз, два, три — поворот... Это будущие балетмейстеры, будущие педагоги сами занимаются у станков, внимательно прислушиваясь к указаниям своих наставников.

А. ЗВЯГИНА

Фото В. Грачковского

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Птица отряда воробьиных. 6. Армянский драматург. 9. Штат США. 10. Надстрочный знак. 11. Приморский курорт в Краснодарском крае. 14. Ветер разрушительной силы. 15. Рыбацкая лодка. 17. Основной аккорд лада. 18. Комедия И. С. Тургенева. 21. Опись, перечень. 22. Музыкально-поэтическое произведение. 25. Гостиница для автотуристов. 28. Порода собак. 29. Научное предположение. 30. Учение о звуке. 31. Опера А. Н. Верстовского. 32. Краски, разводимые водой.

По вертикали: 1. Подбор пьес, исполняемых в театре. 2. Литературный жанр. 3. Корзина из лубка или прутьев. 4. Изменение имен, местоимений и причастий по падежам. 7. Государство в Америке. 8. Ягода. 12. Горная система в Европе. 13. Соцветие кукурузы. 15. Художественное текстильное изделие. 16. Порт в Тунисе. 19. Радиотехническое устройство. 20. Вечнозеленое растение. 23. Герой кельтского народного эпоса. 24. Морское животное семейства дельфиновых. 26. Автор картины «Московский дворик». 27. Поэма Н. А. Некрасова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 3. Олеандр. 6. Метеорограф. 9. Минин. 12. Кенитра. 13. «Ледоход». 14. Фазан. 16. Пенни. 17. Атолл. 18. Кирза. 20. Отсек. 22. Лагос. 25. Деканат. 26. Левитан. 27. Десна. 28. Фисгармония. 29. Медянка.

По вертикали: 1. Вероника. 2. Антонида. 4. Меларен. 5. Магнето. 7. Сервантес. 8. Гиппократ. 10. Коллекция. 11. Горностай. 14. Финал. 15. Насос. 19. Реактив. 21. Стейниц. 23. Алебарда. 24. Орнамент.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Участница Архангельского ансамбля песни и пляски «Сиверко» Валентина Попова.

Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зима.

Фото Б. Кузьмина

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/XII — 1976 г. А 00756. Подп. к печ. 28/XII — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 28. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 3157.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

У САМОГО БЕЛ

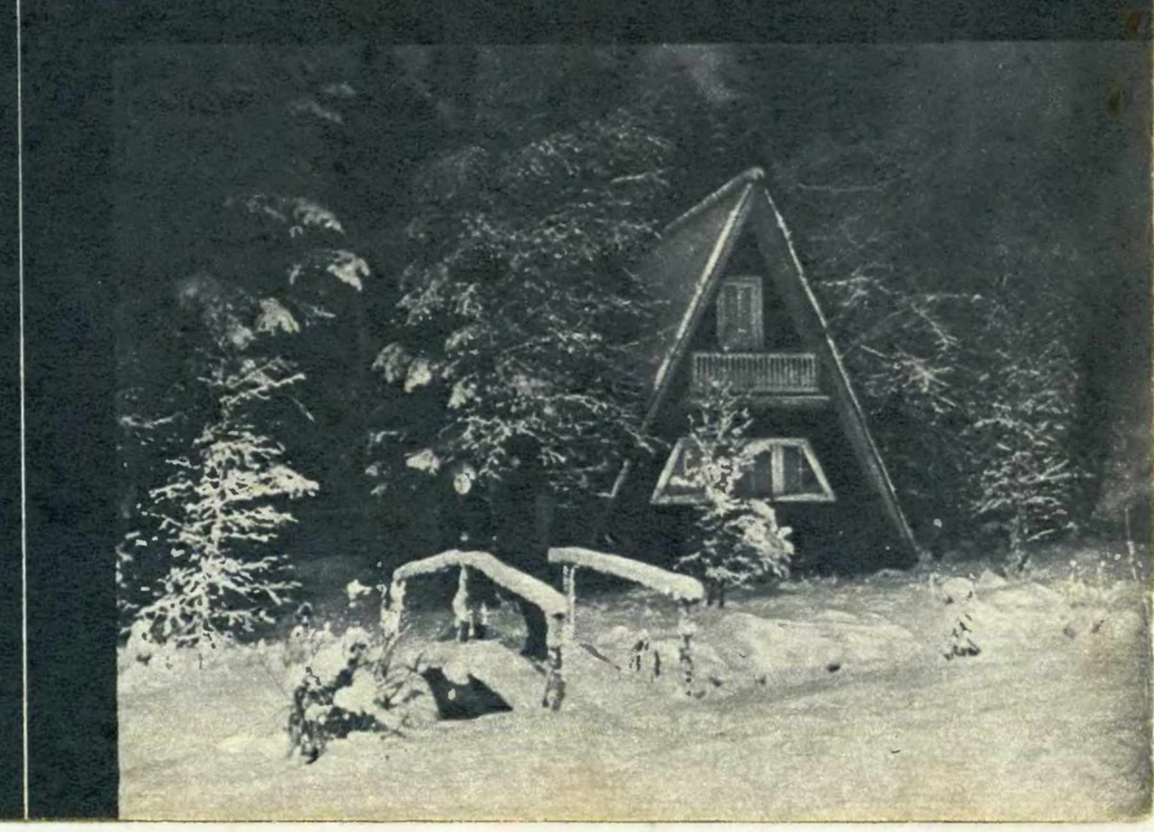
ОГО МОРЯ

Новогодний фоторепортаж
из Приморского района
Архангельской области
Михаила САВИНА

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663